Гр. Сергѣй Толстой.

О СОСТАВѢ КРЕСТЬЯНСКАГО СОСЛОВІЯ.

Изданіе журнала „Русская Мысль“.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д
Москва—1904.

Дозволено цензурою. Москва, 3 іюля 1904 года.

323.34
T654 0

Предлагаемая статья была напечатана въ январской и майской книжкахъ *Русской Мысли* за 1904 годъ. Въ настоящее изданіе ея внесены нѣкоторыя несущественныя поправки; въ концѣ помѣщены: Прибавленіе I («О статьѣ 671 Зак. о Сост.»), объясняющее изъ кого составилось сословіе «сельскихъ обывателей», и Прибавленіе II (Приложенія къ ст. 514 и 515 Зак. о Сост.), дающее справку о законѣ, на основаніи котораго лица, достигшія извѣстнаго образовательнаго ценза, пріобрѣтаютъ званіе потомственнаго или личнаго почетнаго гражданина.

499891

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. О постановкѣ крестьянскаго вопроса 7
II. Вопросъ о составѣ крестьянскаго сословія 12
III. Приписка къ крестьянскому сословію 14
IV. Увольненіе изъ сельскихъ обществъ 17
V. Переходъ крестьянъ въ другія сословія 23
VI. Современный составъ крестьянскаго сословія 31
VII. Вопросъ о равноправности крестьянъ 33
VIII. Особенности гражданскаго правопорядка крестьянской жизни 37
IX. Могутъ ли крестьяне не быть обособленнымъ сословіемъ? 42
X. О законахъ, опредѣляющихъ гражданскія права крестьянъ 47
XI. О „мірскомъ землевладѣніи“ 53
XII. Краткое повтореніе сказаннаго. Desiderata 59
Прибавленіе I. О статьѣ 671 Законовъ о Состояніяхъ.
Прибавленіе II. Приложенія къ ст. 514 и 515 Законовъ о Состояніяхъ.

499891

О составѣ крестьянскаго сословія.

I.

О постановкѣ крестьянскаго вопроса.

Для того, чтобы установить ту точку зрѣнія, съ которой я буду разсматривать вопросъ о составѣ крестьянскаго сословія, я долженъ сперва поставить болѣе общій вопросъ:

Въ чемъ состоитъ такъ называемый крестьянскій вопросъ?

Крестьянскій вопросъ есть, очевидно, вопросъ многосложный, распадающійся на много другихъ вопросовъ. Мы можемъ изучать этнографическія особенности крестьянъ, ихъ обычаи, ихъ нравственность, ихъ религіозныя воззрѣнія, ихъ экономическое положеніе, ихъ образованность и пр., и пр. Все это, конечно, изучалось и изучается, и все это такъ или иначе относится къ крестьянскому вопросу. Какъ же разобраться во всей этой сложности? На какую точку зрѣнія стать для правильной постановки крестьянскаго вопроса?

Самое простое опредѣленіе вопроса будетъ слѣдующее: крестьянскій вопросъ есть вопросъ о крестьянахъ, объ условіяхъ ихъ жизни и о возможностяхъ улучшить эти условія. Это влечетъ за собой другой вопросъ: что такое крестьяне? Отвѣтъ мы найдемъ въ IX т. св. з., гдѣ сказано, что крестьяне принадлежатъ къ «состоянію сельскихъ обывателей». Тамъ же можно найти тѣ особые законы, которымъ подлежатъ «сельскіе обыватели» и которыми «сельскіе обыватели» отличаются отъ лицъ «другихъ состояній»; въ 1902 г. эти законы кодифицированы и сгруппированы въ «Особое приложеніе».

Такъ какъ въ томъ, что крестьяне (или «сельскіе обыватели»—это почти синонимы) подлежатъ особымъ законамъ, состоитъ основное отличіе крестьянъ отъ прочаго населенія Россіи, то мы въ правѣ сказать, что крестьянскій вопросъ есть прежде всего вопросъ о правовомъ положеніи крестьянъ, есть вопросъ о крестьянскомъ сословіи (или о людяхъ принадлежащихъ къ «состоянію сельскихъ обывателей»), для которыхъ есть особые законы. Въ самомъ дѣлѣ, ничѣмъ инымъ, какъ своимъ юридиче-

скимъ положеніемъ, крестьяне отъ прочаго населенія Россіи не отличаются,—ни расой, ни религіей, ни языкомъ, ни даже родомъ занятій. Правда, крестьяне по преимуществу земледѣльцы; но такъ какъ, съ одной стороны, земледѣліе не есть ни обязательный, ни исключительный родъ ихъ занятій, а съ другой стороны, не одни крестьяне занимаются земледѣліемъ, то земледѣліе не есть отличительный признакъ крестьянъ. Особый же способъ крестьянскаго землевладѣнія, такъ же, какъ и особый гражданскій строй крестьянской жизни на мѣстахъ ихъ осѣдлости (обычное право) установлены закономъ и, слѣдовательно, относятся къ правовымъ особенностямъ крестьянъ.

Итакъ, крестьянскій вопросъ есть вопросъ прежде всего юридическій—вопросъ о правовомъ положеніи крестьянъ. Другіе вопросы, относящіеся къ крестьянамъ — вопросы объ ихъ экономическомъ положеніи, объ ихъ культурномъ развитіи и пр., являются такъ сказать *производными* этого основного вопроса и должны изучаться въ связи съ этимъ основнымъ вопросомъ, т.-е., говоря о богатствѣ или бѣдности крестьянъ, объ ихъ образованности, культурности, хозяйственности, и т. д., мы должны всегда помнить, что мы говоримъ о людяхъ, подлежащихъ особому законодательству.

Однако, нѣкоторые изслѣдователи крестьянскаго быта обращаютъ вниманіе преимущественно на экономическое положеніе крестьянъ, выставляя прежде всего вопросы о малоземельи, о бремени налоговъ и податей, объ отсутствіи мелкаго кредита и т. п. и отодвигая вопросъ о правовомъ положеніи крестьянъ на второй планъ. Между тѣмъ, вопросъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ, несмотря на всю свою важность, не только не исчерпываетъ крестьянскаго вопроса, но даже не можетъ быть поставленъ независимо отъ вопроса юридическаго; иначе это будетъ вопросъ объ экономическомъ положеніи земледѣльческаго населенія, мелкихъ землевладѣльцевъ, кого угодно, но только не о крестьянахъ. Если мы хотимъ изслѣдовать экономическое положеніе крестьянъ, мы должны изучать вліяніе ихъ правового, обособленнаго отъ прочаго населенія, положенія на ихъ экономическое положеніе; иначе можно легко ошибиться при установленіи причинъ тѣхъ или другихъ явленій. Напримѣръ, если говорится о крестьянскомъ хозяйствѣ, нельзя не указать на расходы, которые несутъ крестьяне отъ необходимости отбывать извѣстныя денежныя или натуральныя повинности; если говорится о бремени податей, нельзя игнорировать способъ ихъ взысканія; если говорится о крестьянскомъ землевладѣніи, необходимо имѣть въ виду способы перехода земли отъ однихъ лицъ къ другимъ, способы пользованія ею и т. д. Правовыя нормы, функціонирующія въ крестьянской средѣ, настолько отличны отъ законовъ, дѣйствующихъ въ другихъ слояхъ населенія Россіи, что онѣ существенно вліяютъ на всю жизнь крестьянъ; поэтому при изученіи какой бы то ни было стороны ихъ жизни, а тѣмъ болѣе экономической, нельзя ихъ игнорировать.

Положеніе земледѣльческаго населенія въ Россіи существенно отличается отъ положенія земледѣльцевъ въ западной Европѣ. Тамъ законодательство не различаетъ крестьянъ отъ прочихъ классовъ, и поэтому благосостояніе земледѣльческаго класса зависитъ отъ факторовъ, дѣйствующихъ одинаково на все населеніе; въ Россіи же дѣйствіе спеціально-экономическихъ факторовъ настолько затемняется дѣйствіемъ особаго законодательства для низшаго земледѣльческаго класса, что уловить какіе-нибудь общіе экономическіе законы въ этой области едва ли возможно.

Въ этомъ, повидимому, и заключается причина того, что обширный статистическій матеріалъ по экономическому положенію крестьянъ, данный многими тщательными изслѣдованіями, такъ мало теоретически разработанъ.

Напримѣръ, въ книгѣ Л. Ходскаго «Земля и земледѣлецъ» можно найти много обстоятельныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній, выведенныхъ изъ статистическихъ работъ; но даетъ ли эта книга какой-нибудь общій взглядъ на крестьянскую жизнь? Къ какимъ выводамъ приходитъ авторъ? Читатель, прочтя эту книгу, чувствуетъ нѣкоторое разочарованіе. Расширеніе кредита для крестьянъ и неотчуждаемость надѣловъ—вотъ и почти все, что г. Ходскій находитъ желательнымъ въ будущемъ; замѣтимъ при этомъ, что только расширеніе кредита можно назвать мѣрой экономической, неотчуждаемость же надѣла есть мѣра юридическая. Въ самомъ дѣлѣ, если упомянуть еще объ облегченіи или о сложеніи выкупныхъ платежей и о льготныхъ условіяхъ для пріобрѣтенія крестьянами новыхъ земель, какихъ еще экономическихъ мѣръ для крестьянъ можно пожелать?

Очевидно, что нужны мѣры не для улучшенія экономическаго положенія *крестьянъ*, а нужны мѣры для улучшенія экономическаго положенія всего населенія Россіи и, конечно, прежде всего трудящейся массы; *для крестьянъ же* прежде всего нужна реформа ихъ юридическаго строя. Такія общія мѣры, какъ реформа налоговъ, учрежденіе мелкаго кредита, покровительство земледѣлію и т. д., несомнѣнно должны благотворно повліять на экономическое положеніе крестьянъ; но эти мѣры не только не разрѣшатъ, но даже не приблизятъ къ разрѣшенію крестьянскій вопросъ, единственное правильное разрѣшеніе котораго состоитъ въ реформѣ юридической.

Косвенное признаніе такого положенія дѣлъ можно найти у нѣкоторыхъ экономистовъ. Вотъ что, наприм., пишетъ г. Пѣшехоновъ (*Русское Богатство*, сентябрь, 1902 г.): «На ряду съ довольно яснымъ пониманіемъ и единодушнымъ признаніемъ основной причины правовыхъ невзгодъ трудящейся массы, мы встрѣчаемъ крайнее разнообразіе во взглядахъ на причины экономическаго ея оскудѣнія, а стало быть на ближайшія задачи экономической политики. Сколько-нибудь стройной и дальновидной системы мѣропріятій, которыя могли бы вновь наладить хозяйственную жизнь деревни, сейчасъ никто предложить не въ силахъ. Приходится блуждать въ потьмахъ, почти ощупью». И далѣе: «Включать крестьянство въ качествѣ

органическаго элемента въ программу, отвести ему подобающее его значенію мѣсто въ своемъ міровоззрѣніи, сдѣлать эти милліоны людей центромъ и опорой своей общественной дѣятельности,—даже тѣмъ, кто желалъ бы этого, — мѣшаетъ тотъ недостатокъ свѣдѣній о крестьянскомъ бытѣ и хозяйствѣ, съ указанія котораго мы начали».

Г. Пѣшехоновъ сознается въ неопредѣленности и даже отсутствіи программы экономическихъ мѣропріятій по отношенію къ крестьянству и приписываетъ это недостатку свѣдѣній. Такъ ли это? Не потому ли отсутствуетъ экономическая программа, что экономисты игнорируютъ тѣсную зависимость экономическаго положенія крестьянъ отъ ихъ юридическаго положенія? (которое, между прочимъ, далеко не ясно и не единодушно оцѣнивается.) Свѣдѣній, можетъ быть, уже достаточно для вѣрной оцѣнки главныхъ явленій, происходящихъ въ крестьянствѣ,—дай Богъ еще больше свѣдѣній,—но сколько бы свѣдѣній ни было, экономистамъ нельзя «отвести крестьянству подобающее его значенія мѣсто въ своемъ міровоззрѣніи», если они игнорируютъ главный источникъ свѣдѣній о крестьянахъ, а именно—Особое Приложеніе къ т. IX св. зак.

Едва ли по какому-либо другому вопросу нашей общественной жизни можно найти такое обиліе своеобразныхъ законодательныхъ проектовъ, какъ по крестьянскому вопросу,—проектовъ, предлагающихъ искусственную регламентацію и принудительное устроеніе крестьянской жизни. Возникновеніе такихъ «опекающихъ» проектовъ можно объяснить отчасти отчужденностью лицъ, ихъ предлагающихъ, отъ крестьянства, обособленнаго въ мало культурную массу, отчасти—обыкновеніемъ видѣть въ бюрократическомъ устроеніи панацею отъ всѣхъ бѣдъ, и отчасти—неправильной и неопредѣленной постановкой крестьянскаго вопроса—смѣшеніемъ вопросовъ правовыхъ и экономическихъ. Что только не предлагалось для устроенія быта крестьянъ: образованіе «отрубныхъ» участковъ, «недѣлимыхъ» участковъ, «заповѣдныхъ» участковъ, предѣлъ для дробленія крестьянскихъ дворовъ (съ тѣмъ, чтобы дворъ владѣлъ не менѣе какъ тремя «душами», какъ предлагаетъ К. Ѳ. Головинъ въ своей книгѣ «Сельская община въ дѣйствительности и литературѣ»), предѣлъ для увеличенія надѣла (съ тѣмъ, чтобы дворъ владѣлъ не болѣе, какъ тремя надѣлами, какъ предлагаютъ нѣкоторыя «Губернскія Совѣщанія»), хуторское хозяйство, обязательное разселеніе крестьянъ, подробная регламентація передѣловъ, раздѣловъ и вообще общинныхъ порядковъ, миноратъ, общественныя запашки и пр. и пр.! [1]).

---

[1]) Какъ крайній примѣръ того, до чего можно додуматься въ этой области, я приведу нѣкоторыя мнѣнія тульскихъ земскихъ начальниковъ, высказанныя ими въ одномъ совѣщаніи 1898 г.; труды совѣщанія изданы особой брошюрой. Многіе на этомъ совѣщаніи высказались за общественныя запашки; одинъ земскій начальникъ высказалъ, что „при распущенности и деморализаціи крестьянъ подъемъ ихъ самодѣятельности можетъ быть только принудительный“ (стр. 23), другой—что „предшествовавшій освобожденію крестьянъ принудительный трудъ создавалъ ихъ благопо-

Во всѣхъ подобныхъ, принципіально мало обоснованныхъ сужденіяхъ о крестьянскихъ дѣлахъ, подразумѣвается, что улучшеніе крестьянскаго хозяйства возможно путемъ принудительныхъ мѣръ. Милюковъ въ «Очеркахъ культуры» говоритъ, что Петру I хорошее государственное устройство представлялось въ видѣ какого-то секрета, который нужно только достать въ Швеціи и приказать исполнить. Для многихъ хорошее устройство крестьянскаго быта тоже представляется въ видѣ секрета; только его достать неоткуда, а надо разгадать. Не пора ли вспомнить, что вѣдь и крестьянинъ самъ себѣ не врагъ, и что при извѣстныхъ условіяхъ онъ пожалуй самъ могъ бы улучшить свое хозяйство? Только для этого слѣдовало бы прежде всего *освободить* его отъ тѣхъ путъ и тягостей, которыя на него наложены. Опеканіе же и регулированіе приводитъ только къ подавленію самодѣятельности, къ ломкѣ существующихъ формъ жизни и къ непроизводительной тратѣ силъ на треніе—на сопротивленіе жизни насильственному ея устроенію.

Одному юридическому вопросу крестьянской жизни особенно посчастливилось въ литературѣ, это—вопросу объ общинѣ. Нѣкоторые писатели (особенно типична въ данномъ случаѣ брошюра г. Никольскаго: «Земля, община и трудъ») весь крестьянскій вопросъ сводятъ на вопросъ: «быть или не быть общинѣ?» Между тѣмъ сводить общій вопросъ о крестьянахъ на входящій въ него частный вопросъ объ общинѣ, значитъ ставить вопросъ очень узко. Община есть далеко не единственная спеціально крестьянская правовая норма; кромѣ общины есть рядъ другихъ спеціально крестьянскихъ учрежденій и законовъ, которые дѣйствуютъ во многихъ случаяхъ совершенно независимо отъ общины. Что это такъ, видно уже изъ того, что въ Россіи есть цѣлыя области, гдѣ функціонируетъ участковое землевладѣніе и гдѣ тѣмъ не менѣе крестьяне находятся въ такомъ же обособленномъ юридическомъ положеніи низшаго сословія, какъ и тамъ, гдѣ функціонируетъ общинное землевладѣніе. Вопросу объ общинѣ не только нельзя приписать рѣшающаго значенія при оцѣнкѣ условій крестьянской жизни,—общину нельзя даже изучать независимо отъ остальныхъ крестьянскихъ правовыхъ нормъ. Какъ, наприм., рѣшать вопросъ о томъ, быть или не быть общинѣ, когда въ жизни нельзя наблюдать земельную общину независимо отъ административной общины—сельскаго общества, когда свобода общины крайне стѣснена выработанными въ Петербургѣ однообразно для всей Россіи законами о передѣлахъ и раздѣлахъ, когда конфликты между общиной и членами ея — самые жизненные

лучіе“ третій—что „для поднятія уровня земледѣльческаго хозяйства, при расширеніи арендованія, необходимо организовать обязательную для волостного управленія отчетность арендныхъ платежей съ принудительнымъ исполненіемъ арендныхъ уплатъ до казенныхъ; для этого учредить общественную молотьбу и продажу арендного зерна (стр. 31); предложено было также ограничить число отлучекъ крестьянъ въ города и на фабрики и поощрять ихъ къ работамъ у владѣльцевъ изъ части хлѣба; затѣмъ, установить вакаціонное время для фабричныхъ, и т. д.

вопросы деревни—разрѣшаются не правильнымъ судомъ, а усмотрѣніемъ начальства, когда всякій приговоръ схода можетъ быть утвержденъ или представленъ къ отмѣнѣ единоличной властью земскаго начальника и т. д.? Нельзя выхватывать вопросъ объ общинѣ изъ общаго вопроса о правовомъ положеніи крестьянъ, который, надо думать, разрѣшится не простымъ утвержденіемъ или отрицаніемъ, быть или не быть общинѣ, а новымъ освѣщеніемъ, постановкой вопроса съ новой точки зрѣнія.

За послѣднее время убѣжденіе въ томъ, что безъ реформы всего юридическаго строя крестьянъ никакія другія реформы не помогутъ, все больше и больше получаетъ право гражданства. Такой взглядъ высказывался не разъ въ литературѣ многими земствами, комитетами по сельско-хозяйственной промышленности, разными съѣздами, нѣкоторыми спеціальными правительственными коммисіями и даже министромъ финансовъ въ его отчетахъ. Предстоящая реформа законовъ о крестьянахъ, несомнѣнно, вызвана такимъ взглядомъ на крестьянскій вопросъ, и надо надѣяться, что въ ближайшемъ будущемъ юридическое положеніе крестьянъ радикально измѣнится въ смыслѣ разрушенія ихъ спеціально-сословныхъ ограниченій.

II.

Вопросъ о составѣ крестьянскаго сословія.

Вопросъ о томъ, изъ кого состоитъ крестьянское сословіе, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, поставить первымъ при изученіи юридическаго положенія крестьянъ. Для того, чтобы говорить о крестьянахъ надо прежде всего знать: что такое крестьяне?

Въ законодательствѣ нѣтъ опредѣленія того, что понимается подъ словомъ *крестьянинъ*. Первая статья раздѣленія IV законовъ о состояніяхъ изложена такъ [1]):

Ст. 671, IX т. св. з. Къ состоянію сельскихъ обывателей принадлежатъ: 1) крестьяне и поселяне разныхъ наименованій, въ томъ числѣ: однодворцы, малороссійскіе казаки, войсковые обыватели, резеши Бессарабской губерніи (не принадлежащіе къ высшимъ сословіямъ) и татары Таврической губерніи, 2) бывшіе заводскіе, горнозаводскіе и фабричные люди, оружейники, мастеровые, непремѣнные работники, колонисты, половники, башкиры, бывшіе вольные люди западныхъ губерній, хизане Тифлисской и Кутаисской губерній, ахашала въ Абхазіи и Самурзакани, ахуйю, амацюраегу и анхае въ Абхазіи и равнозначущіе тремъ послѣднимъ дельмахоре, мойнале и ніоши въ Самурзакани.

Изъ этой статьи, видно, что наше законодательство ввело новый терминъ, замѣняющій слово «крестьяне», назвавъ лицъ, принадлежащихъ къ сельскому состоянію, «сельскими обывателями». Но только нѣкоторые, весьма немногочисленные разряды лицъ, вошедшихъ въ составъ сельскихъ обывателей, не носятъ названіе крестьянъ; вообще слово «сельскій обы-

---

[1]) При ссылкѣ на законы о состояніяхъ я пользовался неофиціальнымъ изданіемъ 1901 г., подъ редакціей г. Плющевскаго-Плющикъ, Я. А. Канторовича.

ватель», которое является почти синонимомъ слова «крестьянинъ», не привилось. Изъ той же статьи видно, что происхожденіе крестьянъ очень разнообразно. Между крестьянами есть однодворцы, есть казаки, есть государственные крестьяне, есть татары, есть даже еще временно-обязанные, т.-е. еще зависимые въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ помѣщиковъ. Они остались только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тифлисской и Кутаисской губерній. Дружининъ въ своемъ «Юридическомъ положеніи крестьянъ» высказываетъ, что потребность въ реформѣ ихъ положенія (почти крѣпостного состоянія) настоятельно назрѣла. Разнообразіе людей, изъ которыхъ состоятъ современные крестьяне, видно изъ изложенія ст. 700, изд. 1876 г., соотвѣтствующей ст. 671, изд. 1900 г. Кто только не вошелъ въ разрядъ сельскихъ обывателей: и бѣлопашцы, и панцырные бояре, и казаки, и казачьи подсусѣдки, и кречетные и сокольи помытчики, и бобровники, и чемоданные татары, и архіерейскіе, и черносошные, и ранговые и пр., и пр.! [1]).

Начиная съ 1861 г. и даже раньше, въ законодательствѣ замѣтно проводится тенденція къ сравненію всѣхъ сельскихъ обывателей, что въ настоящее время почти совершилось. Такое приведеніе къ одному знаменателю имѣло слѣдствіемъ то, что теперь почти всѣ сельскіе обыватели подлежатъ общему Положенію о крестьянахъ и другимъ спеціально крестьянскимъ законоположеніямъ. Между тѣмъ эти законы первоначально были изданы только для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, составлявшихъ меньшинство среди сельскихъ обывателей (помѣщичьихъ крестьянъ въ 1861 г. было всего 10.750,000 мужскихъ душъ, приблизительно столько же было государственныхъ крестьянъ, но къ нимъ слѣдуетъ также причислить крестьянъ дворцовыхъ, удѣльныхъ и др.).

Такимъ образомъ теперь въ разрядъ крестьянъ, подлежащихъ Общему Положенію и прочимъ крестьянскимъ законамъ, вошли такія лица, которыя раньше подлежали другому законодательству и, слѣдовательно, перешли въ сравнительно низшее состояніе. Такъ напримѣръ, у государственныхъ крестьянъ «вмѣсто двухъ ступеней суда домашняго, разсматривавшаго гражданскія дѣла ихъ до 15 рублей и дѣйствовавшаго на основаніи закона, приспособленнаго къ пониманію и быту крестьянъ, водворялся волостной судъ съ большею властью, но безъ всякихъ гарантій правильности его дѣйствій. Государственные крестьяне не только подчинялись отнынѣ уголовной власти волостного суда, но также дисциплинарной власти своего общественнаго начальства» [2]). Затѣмъ «бывшіе государственные крестьяне навсегда отрѣзывались отъ государственныхъ земельныхъ имуществъ». «Въ короткое время общее Положеніе о крѣпостныхъ крестьянахъ было сдѣлано общимъ для всѣхъ сельскихъ обывателей Россіи. Общими были сдѣланы и первоначальныя учрежденія по дѣламъ крѣпостныхъ крестьянъ.

---

[1]) См. Прибавленіе I.

[2]) *Дружининъ*: „Юридическое положеніе крестьянъ“, глава XVIII.

Безправіе, приниженность и вообще юридическая необезпеченность освобожденныхъ крестьянъ были распространены на все сельское населеніе. Свое прочное юридическое положеніе утратили и тѣ разряды этого населенія, которые до тѣхъ поръ имъ пользовались» [1]). Такимъ образомъ въ настоящее время всѣ крестьяне имѣютъ то общее между собой, что они подлежатъ приблизительно однимъ и тѣмъ же спеціальнымъ крестьянскимъ законамъ; вопросы же о томъ, какъ, почему и изъ кого сложилось крестьянское сословіе, представляютъ уже только историческій интересъ.

Тѣмъ не менѣе вопросъ о составѣ крестьянскаго сословія не такъ простъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Если бы крестьянское сословіе было сословіемъ замкнутымъ, т.-е. никто бы не имѣлъ права ни входить въ него, ни выходить изъ него, то въ юридическомъ смыслѣ вопросъ о составѣ его исчерпывался бы тѣмъ положеніемъ, что крестьяниномъ назывался бы всякій, рожденный отъ крестьянина. Но по существующему законодательству крестьянское сословіе не есть сословіе замкнутое; составъ его постоянно измѣняется, и тѣ способы, посредствомъ которыхъ въ него входятъ лица, не рожденныя крестьянами, и въ особенности тѣ способы, посредствомъ которыхъ лица, рожденныя крестьянами, выбываютъ изъ него, очень разнообразны и въ нѣкоторыхъ случаяхъ обставлены сложными условіями.

Поэтому для опредѣленія состава крестьянскаго сословія слѣдуетъ выяснить: на основаніи какихъ статей закона, кто именно и почему 1) входитъ въ крестьянское сословіе, 2) выходитъ изъ него и 3) остается въ немъ. Прослѣдимъ же, какъ это происходитъ.

III.

Приписка къ крестьянскому сословію.

Какъ же можно сдѣлаться крестьяниномъ, кто входитъ въ крестьянское сословіе?

На основаніи общихъ законовъ «о состояніяхъ», конечно, прежде всего всякій рожденный въ бракѣ отъ отца крестьянина тѣмъ самымъ является крестьяниномъ, все равно была ли его мать крестьянка или нѣтъ. Въ дѣйствительности подавляющее большинство крестьянъ являются таковыми по рожденію.

Затѣмъ въ разрядъ крестьянъ переходятъ тѣ, которые приписываются къ крестьянскому сословію. Это могутъ сдѣлать только лица бывшихъ податныхъ состояній или лица, имѣющія «право и обязанность избрать себѣ родъ жизни». Лицамъ, принадлежащимъ къ привиллегированнымъ сословіямъ, доступъ въ крестьянское сословіе закрытъ. По закону (Особ. Прилож. къ IX т. Св. Зак.)

---

[1]) Тамъ же, стр. 100.

I, ст. 219. Въ общества крестьянъ имѣютъ право вступать лица бывшихъ податныхъ состояній, а именно обыватели разныхъ наименованій: мѣщане, ремесленники и рабочіе люди [1]).

Лица бывшихъ податныхъ сословій могутъ приписываться: къ сельскимъ обществамъ съ правомъ на надѣлъ или безъ права на надѣлъ, или къ волостнымъ обществамъ, но только безъ права на надѣлъ.

Для приписки къ сельскому обществу съ правомъ на надѣлъ нуженъ пріемный приговоръ общества (ст. 220), а также причисленіе въ окладъ Казенной Палатой (ст. 229). Приписка къ сельскому обществу безъ права на надѣлъ производится волостнымъ старшиною (ст. 223). Для приписки къ волостному обществу требуется пріемный приговоръ волостнаго схода (ст. 225). Приписанные къ волостямъ не имѣютъ «ни права на полученіе, ни обязанности на принятіе» мірской земли. Если же они пожелаютъ участвовать въ пользованіи мірскою землею, то должны вступить въ составъ общества порядкомъ, указаннымъ въ семъ Общемъ Положеніи о крестьянахъ» (ст. 227), т.-е. приписаться къ какому-нибудь сельскому обществу.

Въ числѣ лицъ, входящихъ въ крестьянское сословіе, есть особый разрядъ людей; это—лица всѣхъ сословій, лишенныя правъ по суду, отбывшія наказанія и «имѣющія право и обязанность избрать себѣ родъ жизни». На основаніи Высочайшаго указа 1900 г. и статей 47—51 Уложенія о наказ., эти лица обязаны приписаться либо къ крестьянскому, либо къ мѣщанскому сословію.

„Лица, изъятыя по правамъ состоянія отъ наказаній тѣлесныхъ, обязаны по освобожденіи ихъ изъ заключенія въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ или въ тюрьмѣ, избрать себѣ родъ жизни, записываясь, съ дозволенія начальства, въ мѣщанское или сельское состояніе только безъ права участвовать въ выборахъ (Высоч. указъ 10 іюня 1900 г. ст. III, п. 3).

Такія лица могутъ приписаться къ крестьянскому сословію однимъ изъ вышеупомянутыхъ способовъ, т.-е.—къ сельскому обществу или, къ волости, съ правомъ на надѣлъ или безъ этого права. Согласно разъясненію сената, если эти лица не заявятъ о томъ обществѣ, къ которому они желаютъ приписаться, они приписываются къ сельскому или волостному обществу помимо его согласія, по усмотрѣнію мѣстнаго губернскаго начальства.

Въ общемъ, хотя способы вступленія въ крестьянское сословіе довольно разнообразны, приписывающихся къ крестьянамъ немного. Никого не могутъ привлекать существующее устройство сельскихъ обществъ и волостнаго управленія, отсутствіе въ жизни крестьянъ опредѣленныхъ законовъ—гражданскихъ и другихъ, вообще—безправное юридическое положеніе низшаго изъ бывшихъ податныхъ сословій.

Пріобрѣтеніе надѣла, конечно, могло бы заставить желать приписки къ

---

[1]) Состояніе рабочихъ людей въ настоящее время не существуетъ.

сельскимъ обществамъ; но выгода пріобрѣтенія надѣла далеко не всегда искупаетъ невыгоду пріобщенія къ крестьянскимъ порядкамъ, или лучше сказать непорядкамъ. Къ тому же для приписки не крестьянъ къ обществу *съ правомъ на надѣлъ* требуются часто трудно выполнимыя условія: дозволеніе начальства, перечисленіе въ оклады и, главное, утвержденный начальствомъ приговоръ общества; наконецъ покупать себѣ право на надѣлъ нельзя (de jure, по крайней мѣрѣ). Поэтому приписка лицъ другихъ податныхъ сословій къ сельскимъ обществамъ даже съ правомъ на надѣлъ происходитъ рѣдко.

Къ лицамъ, приписывающимся къ сельскимъ обществамъ или волостямъ *безъ пріобрѣтенія надѣла*, принадлежатъ мѣщане или ремесленники, постоянно живущіе въ деревняхъ, бывшіе дворовые, дѣти личныхъ почетныхъ гражданъ и оберъ-офицеровъ и вообще лица, «имѣющія право и обязанность избрать родъ жизни». Отношеніе такихъ приписанныхъ къ обществу или волости лицъ къ крестьянскому сословію выражается лишь въ томъ, что они подлежатъ крестьянскому начальству и суду, платятъ первые—общественные, вторые—волостные сборы и черезъ волостное правленіе берутъ себѣ паспорты; они остаются чужды главныхъ крестьянскихъ интересовъ, относящихся къ надѣльной землѣ. Несмотря однако на это, только существенные интересы въ предѣлахъ волости — владѣніе землей, торговля или промыселъ, могутъ заставить такихъ лицъ приписываться къ сельскому обществу или волости, а не къ мѣщанскому или ремесленному обществу какого-нибудь города. Поэтому такихъ «приписанныхъ» къ сельскимъ обществамъ или волостямъ—также немного.

Разрядъ лицъ, лишенныхъ правъ состоянія, отбывшихъ наказанія и приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ съ правомъ на надѣлъ или безъ этого права, что происходитъ преимущественно въ Сибири,—также не можетъ быть особенно многочисленъ; теперь, съ отмѣной ссылки за общеуголовныя преступленія и ограниченіемъ права мѣщанскихъ и сельскихъ обществъ передавать своихъ членовъ въ распоряженіе правительства, ихъ будетъ еще меньше. Къ тому же эти лица такъ же, какъ и вообще люди, имѣющіе право и обязанность избирать себѣ родъ жизни, часто предпочитаютъ (если у нихъ есть свобода выбора) приписаться къ мѣщанскимъ обществамъ, а не къ крестьянскимъ.

Въ общемъ пополненіе крестьянскаго сословія тѣми лицами, которыя по существующимъ законоположеніямъ имѣютъ право войти и дѣйствительно входятъ въ него, скорѣе невыгодно для самаго сословія, чѣмъ выгодно. Нельзя опредѣленно сказать, приносятъ ли пользу или вредъ крестьянской средѣ мѣщане, ремесленники и др., приписавшіеся къ крестьянскому сословію, тѣмъ болѣе, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ они приписываются безъ права на надѣлъ, и поэтому не затрогиваютъ самыхъ существенныхъ крестьянскихъ интересовъ; но можно опредѣленно сказать, что бывшіе преступники всѣхъ сословій, вступающіе въ крестьянское сословіе, скорѣе вредны для него, чѣмъ полезны. А такъ какъ законъ не предо-

ставляетъ лицамъ привилегированныхъ сословій поступать въ крестьянское сословіе, то въ него не могутъ войти наиболѣе культурные элементы страны [1]).

IV.

Увольненіе изъ сельскихъ обществъ.

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, при какихъ условіяхъ и на основаніи какихъ законоположеній можно выйти изъ крестьянскаго сословія? На это отвѣчаетъ слѣдующая статья:

Ст. 675 зак. о сост. „Права сельскаго состоянія прекращаются: 1) переходомъ въ другое состояніе, 2) присужденіемъ къ наказанію, сопряженнымъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія".

Второй способъ прекращенія сельскаго состоянія нерѣдко есть способъ временный, такъ какъ крестьяне, отбывшіе наказаніе, должны опять куда-нибудь приписаться и нерѣдко приписываются къ крестьянамъ же. Къ тому же указомъ 12 іюля 1900 г. право крестьянскихъ и мѣщанскихъ обществъ постановлять приговоры о принятіи или непринятіи своихъ членовъ, отбывшихъ наказанія, отмѣнено, а право передачи своихъ членовъ въ распоряженіе правительства ограничено.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ прекращеніе правъ сельскаго состоянія происходитъ по 1-му пункту 675 ст. зак. о сост. т. е. переходомъ въ другое «состояніе». Для перехода изъ крестьянскаго сословія во всякое другое состояніе (если не считать такимъ переходомъ поступленіе въ временные цеховые или взятіе промысловаго свидѣтельства) такъ же, какъ и для перехода въ другое крестьянское общество, крестьянинъ долженъ прежде всего уволиться изъ того общества, въ которомъ онъ числится. Для этого должны быть исполнены слѣдующія условія:

Особ. Прил. I. 208. Для увольненія крестьянъ изъ сельскихъ обществъ требуется соблюденіе слѣдующихъ общихъ условій: 1) чтобы крестьянинъ, желающій получить увольненіе изъ общества, отказавшись навсегда отъ участія въ мірскомъ надѣлѣ, сдалъ состоявшій въ его пользованіи участокъ земли; 2) чтобы на семействѣ увольняемаго не было никакихъ казенныхъ, земскихъ, ни мірскихъ недоимокъ, и чтобы

---

[1]) Слѣдующій примѣръ покажетъ, какъ трудно лицамъ привилегированныхъ сословій войти въ составъ крестьянскаго сословія: Покровское волостное правленіе, Опочецкаго у., рапортомъ отъ 12-го іюня 1890 г. возбудило ходатайство о причисленіи сына дворянина П. А. А. въ крестьяне Метелевскаго сельскаго общ., дер. Бѣсово-Мутани, на *выкупленный* надѣлъ земли умершаго крестьянина М. Т., но въ удовлетвореніи означеннаго ходатайства на основаніи ст. 701, т. IX, 16. 3. изд. 1876 г. (ст. 672, изд. 1899 г.) казенною палатою было отказано, въ виду принадлежности П. А. А. къ числу дворянъ. Но затѣмъ, на поданное Всеподданнѣйшее прошеніе 3-го августа 1900 г. воспослѣдовало Высочайшее повеленіе „не считать принадлежность просителя къ дворянамъ препятствіемъ къ причисленію его къ мѣстному крестьянскому обществу, съ распространеніемъ на него всѣхъ сопряженныхъ съ такимъ причисленіемъ правъ и обязанностей по владѣнію и пользованію надѣльною землею, наравнѣ съ крестьянами означеннаго общества".

притомъ подати были уплачены имъ по 1 января слѣдующаго года; 3) чтобы на увольняемомъ не было безспорныхъ частныхъ взысканій и обязательствъ, предъявленныхъ волостному управленію; 4) чтобы увольняемый не состоялъ подъ судомъ и слѣдствіемъ; 5) чтобы родители увольняемаго были согласны на увольненіе; 6) чтобы остающіяся въ обществѣ въ семействѣ увольняемаго крестьянина малолѣтнія и другія лица, неспособныя къ работѣ, были обезпечены въ своемъ содержаніи; 7) чтобы желающій получить увольненіе представилъ пріемный приговоръ того общества, куда онъ переходитъ, кромѣ случая, указаннаго въ ст. 229, въ которомъ приговоръ замѣняется свидѣтельствомъ волостного старшины.

Затѣмъ существенныя условія, стѣсняющія увольненіе, требуются Положеніемъ о выкупѣ. Такъ какъ съ 1885 года выкупъ обязателенъ, то соблюденіе при увольненіи условій, требуемыхъ Положеніемъ о выкупѣ, обязательно для всѣхъ крестьянъ, не выкупившихъ свои надѣлы; сущность ихъ изложена въ слѣд. статьяхъ:

II, ст. 125. Когда земля пріобрѣтена отъ помѣщика цѣлымъ обществомъ, то отдѣльнымъ членамъ сего общества дозволяется увольненіе изъ онаго по уплатѣ половины капитальнаго долга, по выкупной ссудѣ, причитающагося на участокъ, состоящій въ пользованіи увольняемаго, буде мірское общество приметъ на себя ручательство за остальную половину уплаты; при этомъ отъ увольняемаго требуется половина только той части выкупного долга, которая окажется на немъ по исключеніи изъ всей суммы долга, причитающейся на выкупленный участокъ по разверсткѣ общества, денегъ, поступившихъ на погашеніе капитальнаго долга, въ числѣ внесенныхъ означеннымъ домохозяиномъ выкупныхъ платежей. Въ такомъ случаѣ вышеозначенный взносъ обращается на погашеніе соразмѣрной части выкупного долга, съ исключеніемъ изъ годового выкупного платежа общества, со срока перваго послѣ взноса податного полугодія, суммы, составляющей шесть процентовъ съ половины выкупной ссуды, причитающейся на участокъ увольняемаго домохозяина; вмѣстѣ съ тѣмъ полевой надѣлъ и усадебная земля увольняемаго крестьянина поступаютъ въ распоряженіе общества; усадебныя же строенія онъ можетъ снести или продать на свозъ въ шестимѣсячный срокъ, или же уступить ихъ тому члену мірского общества, которому передается упраздненный усадебный участокъ. Если изъ сельскаго общества, пріобрѣвшаго свой надѣлъ, уволено до одной трети членовъ онаго, на означенномъ выше основаніи, и члены сіи не замѣнены другими, то дальнѣйшее увольненіе членовъ общества безъ предварительнаго взноса капитала, соотвѣтствующаго лежащей на нихъ долѣ выкупной уплаты, не иначе можетъ быть разрѣшено, какъ съ утвержденія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Ст. 126. Увольненіе крестьянъ собственниковъ изъ обществъ безъ предварительнаго взноса ими требуемой предшедшею (125) статьею половинной за ихъ участки выкупной ссуды допускается только тогда, когда общество, изъявивъ согласіе на таковое увольненіе, приметъ на себя уплату означенной ссуды, и когда при томъ надѣлъ общества и за увольненіемъ означенныхъ членовъ не будетъ, по числу остающихся въ обществѣ крестьянъ, превышать опредѣленный для той мѣстности высшій размѣръ душевого надѣла. Увольненіе на сихъ основаніяхъ изъ общества допускается, однако, не иначе, какъ съ утвержденія губернскаго или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которое обязано каждый разъ удостовѣриться, что увольненіе членовъ общества съ оставленіемъ на оныхъ обязанностей уплаты слѣдующей съ нихъ части выкупной ссуды не сдѣлаетъ общество несостоятельнымъ къ исправному взносу выкупныхъ платежей".

Слѣдующія за этими статьи опредѣляютъ порядокъ увольненія; между прочимъ волостной старшина за неправильное увольненіе подвергается не только дисциплинарной отвѣтственности, но и денежной.

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ выписокъ, во всѣхъ законоположеніяхъ объ увольненіи крестьянъ красной нитью проводится мысль объ обезпеченіи уплаты выкупной ссуды. Вездѣ видно опасеніе, какъ бы не пострадалъ интересъ казны, и увольненіе всячески затрудняется. Стоитъ только пробѣжать статьи закона, сюда относящіяся, чтобы понять, сколько нужно крестьянину потратить труда, времени и денегъ для того, чтобы перемѣнить свою осѣдлость. Между прочимъ увольнительный приговоръ сельскаго общества обыкновенно дается не иначе, какъ за «угощеніе». Въ своихъ разъясненіяхъ сенатъ далеко не всегда проводилъ тенденцію облегченія процедуры увольненія [1]).

Въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ, когда во многихъ мѣстахъ выкупной долгъ, лежащій на крестьянской землѣ, превышалъ ея цѣнность, и когда еще существовала подушная подать для податныхъ сословій,—выполненіе всѣхъ условій, требуемыхъ закономъ для увольненія, было нужно въ фискальныхъ видахъ. Наравнѣ съ круговой порукой и другими мѣрами взысканія, условія, которыми обставлено увольненіе, обезпечивали исправное поступленіе податей; увольненіе разрѣшалось только при увѣренности правительства, что отъ этого не пострадаетъ казенный интересъ. Поэтому правительство давало увольненіе неохотно, оно даже смотрѣло на увольненіе только какъ на необходимое зло. И дѣйствительно,— если бы въ то время увольненіе совершалось безпрепятственно, то вѣроятно фискъ пострадалъ бы: многіе крестьяне побросали бы свои надѣлы, и на эти надѣлы не нашлось бы охотниковъ. Такое насильственное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ было, конечно, цѣлесообразно въ фискальномъ отношеніи, но есть не что иное, какъ остатокъ крѣпостного права, по выраженію г. Страховскаго [2]), и какъ таковое, должно быть названо явной несправедливостью. Въ самомъ дѣлѣ, каково положеніе крестьянина, платящаго казнѣ больше, чѣмъ можетъ дать его земля, лишеннаго возможности не только продать ее, но даже бросить, и принужденнаго жить и работать на ней? Въ такомъ безвыходномъ положеніи у крестьянина естественно является совершенно безнадежный взглядъ на свое хозяйство: онъ работаетъ кое какъ, не сводя концы съ концами и, прикованный къ землѣ, думаетъ лишь о томъ, какъ бы уйти отъ нея.

Въ настоящее время, послѣ многихъ лѣтъ погашенія выкупной ссуды, послѣ пониженія выкупныхъ платежей, послѣ отмѣны подушной подати и вслѣдствіе общаго подъема цѣнъ на земли, — мало найдется крестьянскихъ обществъ, земля которыхъ стоила бы дешевле, чѣмъ оставшаяся на ней выкупная ссуда [3]). Поэтому существующія условія увольненія крестьянъ изъ сельскихъ обществъ, оставаясь несправедливостью для тѣхъ

---

[1]) См. указы отъ 3 марта 1877 г., № 16, отъ 17 февр. 1877 г., № 1757, отъ 17 февр. 1877 г., № 1091 и др.

[2]) *Право*, № 8, 1902 г.

[3]) Это не мѣшаетъ выкупнымъ платежамъ на земли быть во многихъ обществахъ выше доходности земли, если они не отсрочены и не разсрочены по закону 1894 г.

крестьянъ, цѣнность земли которыхъ меньше, чѣмъ лежащая на ней выкупная ссуда, являются для огромнаго большинства крестьянъ собственниковъ и для всѣхъ безземельныхъ крестьянъ ни для чего ненужнымъ тормозомъ въ выборѣ себѣ осѣдлости и рода жизни. Въ самомъ дѣлѣ, разъ долгъ на землѣ меньше ея цѣнности, нечего бояться, что эта земля будетъ брошена: на нее всегда найдутся охотники, и интересы фиска всегда будутъ соблюдены.

Но разъ надѣльная земля имѣетъ цѣнность, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ она даже имѣетъ большую цѣнность, то все ярче выступаетъ несправедливость того требованія закона, по которому увольняемые крестьяне обязаны навсегда отказаться отъ принадлежащихъ имъ надѣловъ и сдать ихъ своимъ однообщественникамъ. Такъ какъ при этомъ не говорится, что увольняемый можетъ получить за оставляемый имъ надѣлъ какое-либо вознагражденіе, то очевидно предполагается, что такой отказъ дѣлается безвозмездно, т.-е. de jure продавать надѣльную землю не полагается. Только относительно отдѣльныхъ участковъ законъ предусматриваетъ возможность продажи ихъ: согласно ст. 128 Пол. о вык. (изд. 1902 г.) домохозяинъ, пріобрѣтшій въ собственность отдѣльный участокъ съ выдачей отъ правительства выкупной ссуды, обязанъ при выходѣ изъ общества, если ссуда еще не погашена, *продать* свой участокъ другому лицу на основаніяхъ, изложенныхъ въ ст. 128, т.-е. однообщественнику. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, т.-е. когда продажа надѣла есть необходимость, да и продать его можно только однообщественнику, сдѣлка должна быть крайне невыгодна для продавца.

Во всякомъ случаѣ крестьянинъ, увольняющійся изъ своего общества, не можетъ сохранить свой еще невыкупленный надѣлъ и обязанъ его отчудить. Между тѣмъ въ иныхъ случаяхъ такой надѣлъ удобрялся въ теченіе многихъ лѣтъ, въ другихъ случаяхъ онъ пріобрѣлъ значительную цѣнность отъ близости желѣзныхъ дорогъ, городовъ или фабрикъ, нахожденія въ немъ цѣнныхъ ископаемыхъ и т. д.; наконецъ, за надѣлъ въ продолженіе многихъ лѣтъ вносились выкупные платежи, нерѣдко превышающіе дѣйствительный доходъ съ земли. Справедливо ли то, что при перемѣнѣ осѣдлости или переходѣ въ другое состояніе, иногда вынужденномъ, крестьянину приходится отказываться отъ своего права на владѣніе землей, принадлежащей ему, какъ члену земельной общины?

Сенатъ, строго придерживаясь буквы закона, объясняетъ, что такое требованіе вытекаетъ изъ начала сословности, лежащаго въ основѣ законовъ о крестьянахъ.

„Рѣш. П. С. 1-го общ. собр. 27 мая 1888 г. № 75. Основнымъ правиломъ организаціи сельскихъ обществъ, по нашему законодательству, служитъ начало сословности, по которому къ сельскому обществу могутъ принадлежать лишь сельскіе обыватели, *крестьяне*. Главнѣйшее и существеннѣйшее право членовъ сельскихъ обществъ состоитъ въ участіи, на одинаковомъ съ прочими членами общества основаніи, въ пользованіи отведенною въ надѣлъ обществу мірскою, усадебною и полевою землею, каковому праву соотвѣтствуетъ и обязанность отбывать, въ составѣ всего общества

и за круговою другъ за друга порукою, казенныя, земскія и мірскія подати и повинности. Это право неразрывно связано съ принадлежностью лица къ сельскому обществу и поэтому съ выходомъ лица изъ общества право это должно прекратиться".

И далѣе:

„Мірскою надѣльною землею могутъ пользоваться лишь лица, принадлежащія къ крестьянскому сословію и приписанныя въ качествѣ членовъ къ сельскому обществу".

Тоже признано Высочайше утвержд. 10 мая 1888 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта (за разногласіемъ сенаторовъ въ общемъ собраніи):

„Съ переходомъ крестьянина въ другое сословіе безусловно прекращается право его на надѣльную землю.

Въ другомъ рѣшеніи сената точно высказано:

„Бывшій крестьянинъ, перешедшій въ другое сословіе, можетъ оставаться владѣльцемъ надѣльнаго участка въ томъ лишь случаѣ, если онъ, прежде своего выхода изъ крестьянскаго сословія, пріобрѣлъ на оный право собственности путемъ досрочнаго выкупа, съ полученіемъ отдѣльной данной" (1897 г., № 100).

Сохраненіе крестьяниномъ надѣла при увольненіи, до отмѣны 165 ст. о вык., было возможно посредствомъ погашенія всей лежащей на немъ выкупной ссуды. На такую возможность ясно указывалъ сенатъ въ слѣдующемъ своемъ толкованіи:

„Ук. 18 іюня 1890 г., № 5400. Отдѣльные домохозяева сохраняютъ за собою право собственности на выкупленную ими землю и по выходѣ изъ крестьянскаго сословія въ городское".

Но, собственно говоря, надѣлъ, выкупленный такимъ образомъ, уже нельзя назвать надѣломъ: такъ же, какъ хозяинъ такого надѣла, уволясь изъ общины, тѣмъ самымъ не подлежалъ больше общиннымъ порядкамъ и обычному праву, такъ и его надѣлъ превращался въ частную земельную собственность (на него обязательно выдавался крѣпостной актъ) и онъ не подлежалъ больше передѣламъ. Въ настоящее же время, съ отмѣной 165 ст., такой способъ сохраненія надѣла сопряженъ съ большими затрудненіями и фактически едва ли практикуется. Согласно закону 14 дек. 1893 г.:

(Ос. Пр. кн. II, стр. 113): До уплаты выкупной ссуды выдѣлъ отдѣльнымъ домохозяевамъ и досрочный выкупъ ими участковъ изъ земли, пріобрѣтенной обществомъ, допускается не иначе, какъ съ согласія общества и на условіяхъ, указанныхъ въ приговорѣ сего схода.

Въ своей статьѣ «Остатки крѣпостного права» [1]) г. Страховскій, совершенно справедливо указывая на тѣ неудобства и трудности, которыя приходится преодолѣвать крестьянамъ при увольненіи ихъ изъ сельскихъ обществъ, почему-то не находитъ, что потеря при этомъ надѣла есть одинъ изъ главныхъ недостатковъ дѣйствующаго закона. Г. Страховскій пишетъ:

„Если такой жертвой (т.-е. потерей надѣла) дѣйствительно покупается освобожденіе отъ мірскихъ путъ, то съ этой жертвой еще можно помириться".

Почему же можно помириться? Если что-нибудь дурно, то съ этимъ не слѣдуетъ мириться. Для нагляднаго поясненія несправедливости 1 п.

---

[1]) *Право*, 1902 г., № 8.

130 ст. я возьму примѣрный случай. Положимъ, что въ какомъ-нибудь селеніи надѣльная земля вслѣдствіе какого-нибудь особенно благопріятнаго обстоятельства приноситъ большой доходъ; напримѣръ, на ней найденъ превосходный уголь. Положимъ затѣмъ, что одинъ изъ крестьянъ этого селенія поступаетъ въ университетъ. Для этого онъ долженъ уволиться изъ общества, т.-е. отказаться отъ надѣла. Правда, онъ можетъ предварительно выкупить и выдѣлить свой надѣлъ, но для этого нужно согласіе общества, которое едва ли это разрѣшитъ на сколько-нибудь сносныхъ условіяхъ. Онъ можетъ, пожалуй, продать свой надѣлъ однообщественнику, но при этомъ онъ, конечно, далеко не выручитъ всей цѣнности своего надѣла. Во всякомъ случаѣ такому крестьянину *выгодно* не стремиться къ полученію образовательнаго ценза. Справедливо ли это? Если мірскія путы такъ крѣпко затянули крестьянъ, что желательно освобожденіе отъ нихъ даже дорогой цѣной, то изъ этого слѣдуетъ только одно: эти путы должны быть расторгнуты для всѣхъ крестьянъ, а не только для увольняемыхъ изъ сельскихъ обществъ.

Въ «Сводѣ заключеній губернскихъ совѣщаній по нѣкоторымъ вопросамъ законодательства о крестьянахъ» на вопросъ (стр. 28): не вызываютъ ли недоразумѣній или затрудненій дѣйствующія постановленія объ увольненіи изъ состава общества, екатеринославское губ. совѣщаніе справедливо нашло, что обязательство крестьянъ, увольняющихся изъ обществъ, сдавать свои надѣлы,—есть несправедливость и часто удерживаетъ крестьянъ отъ переселенія; передача надѣла должна бы происходить за плату. На другой вопросъ (стр. 30): «Можно ли признать вполнѣ цѣлесообразнымъ постановленіе закона 13 іюля 1889 г., требующаго безвозмездной уступки въ пользу общества надѣльной земли лицъ, получившихъ разрѣшеніе на переселеніе? Къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ это требованіе? и т. д.» черниговское совѣщаніе отвѣтило, что обыкновенно переселенцы получаютъ вознагражденіе, и законъ 13 іюля 1889 г. не исполняется. Тамбовское совѣщаніе отвѣтило, что нельзя обязывать общество выплачивать что-либо за землю, но А. Н. Чичеринъ подалъ въ это совѣщаніе особое мнѣніе, въ которомъ онъ находитъ, что вопросъ о вознагражденіи за землю долженъ бы подлежать взаимному соглашенію. Однако такое казалось бы естественное мнѣніе нашло мало сторонниковъ въ губернскихъ совѣщаніяхъ [1]).

---

[1]) Между прочимъ я встрѣтилъ взглядъ, согласный съ изложеннымъ, въ статьѣ г. І. А. В—ова (*С.-Петерб. Вѣдом.* 1901 г., № 159), озаглавленной „130 ст. Общ. Полож. о крестьян.“; г. І. А. В—овъ находитъ, что: „Дѣйствующая 130 статья нуждается въ настоящее время въ коренномъ пересмотрѣ. Она не гарантируетъ казнѣ, общественной кассѣ и частнымъ лицамъ исправнаго поступленія платежей, не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о томъ, быть или не быть общинѣ, и крайне стѣсняетъ личность. Этихъ трехъ основаній, не говоря уже о болѣе широкихъ соображеніяхъ, болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы вопросъ о безпрепятственномъ переходѣ изъ одного состоянія или общества въ другое дождался въ ближайшемъ будущемъ болѣе соотвѣтствующаго потребностямъ времени разрѣшенія“.

V.

Переходъ крестьянъ въ другія сословія.

Увольненія крестьянина изъ общества еще недостаточно для перехода его въ другое состояніе. Увольненіемъ только открывается возможность перемѣны осѣдлости; оно столько же нужно для перехода изъ одного крестьянскаго общества въ другое, сколько для перехода въ другое состояніе. Слѣдующее дѣйствіе для выхода изъ крестьянскаго сословія есть пріемъ въ другое сословіе, который совершается особыми актами, въ зависимости отъ того, въ какое сословіе переходитъ крестьянинъ.

Переходъ изъ крестьянъ въ *мѣщане* происходитъ сравнительно довольно легко на основаніи слѣдующихъ статей закона:

Ст. 561. Зак. о сост. Въ состояніе мѣщанъ могутъ вступать: 1) сельскіе обыватели всѣхъ наименованій.

Ст. 563. На причисленіе къ мѣщанскому обществу требуется согласіе сего общества.

Ст. 567. Записка и перечисленіе въ состояніе мѣщанъ производится казенной палатой".

Согласно нѣкоторымъ статьямъ нашего закона, мѣщанское сословіе считается также, какъ и крестьянское, низшимъ сословіемъ, бывшимъ «податнымъ». Но по ст. 503 зак. о сост. оказывается, что «подъ именемъ городскихъ обывателей (въ томъ числѣ мѣщанъ) въ особенности разумѣются лица, причисленныя къ *среднему роду* людей», т.-е. мѣщанское сословіе является среднимъ сословіемъ и слѣдовательно высшимъ сравнительно съ крестьянскимъ. Это имѣетъ нѣкоторыя основанія: дѣйствительно законы, которымъ подлежатъ мѣщане, имѣютъ преимущества передъ законами, которымъ подлежатъ крестьяне. Мѣщане подлежатъ общему уголовному и гражданскому суду, они избавлены отъ тѣлеснаго наказанія (кромѣ живущихъ въ деревняхъ), они не подлежатъ дисциплинарнымъ наказаніямъ, безъ суда налагаемымъ земскимъ начальникомъ, старостой и старшиной, и проч., они легче добываютъ себѣ паспорты, они въ гражданскихъ правоотношеніяхъ руководствуются писаннымъ установленнымъ закономъ и проч.

Вообще переходъ въ мѣщанство для крестьянина былъ бы желателенъ и практиковался много чаще, если бы только при такомъ переходѣ крестьянинъ не *терялъ своего права на надѣлъ*. Кромѣ того для такого перехода, какъ мы видѣли, нужно получить увольненіе изъ общества, а также согласіе мѣщанскаго общества; главное же, для этого нужны деньги. Въ сѣверныхъ промышленныхъ губерніяхъ, гдѣ надѣлъ представляетъ меньшую цѣнность, переходъ изъ крестьянъ въ мѣщане происходитъ чаще. Безземельные же крестьяне и бывшіе дворовые люди обыкновенно переходятъ въ мѣщане при первой возможности. Статистика переходовъ изъ крестьянъ въ мѣщане мало извѣстна; несомнѣнно только, что ростъ городовъ въ пореформенное время произошелъ отчасти вслѣдствіе такихъ переходовъ.

Отвѣты губернскихъ совѣщаній на вопросъ (№ 20), насколько широко распространенъ переходъ крестьянъ въ мѣщанское и купеческое сословія безъ перемѣны мѣстожительства и съ сохраненіемъ (выкупленной) надѣльной земли,—различны по губерніямъ. Какъ и слѣдовало ожидать, въ черноземныхъ губерніяхъ эти переходы рѣдки, въ промышленныхъ часты. Владимірское совѣщаніе отвѣтило (не совсѣмъ на вопросъ), что переходъ крестьянъ въ мѣщане не рѣдокъ, и что для ограниченія его выходъ крестьянъ изъ обществъ слѣдуетъ разрѣшать только при условіи сдачи въ общество выкупленной земли. Минское совѣщаніе отвѣтило, что переходъ въ мѣщане распространенъ и объясняется главнымъ образомъ желаніемъ крестьянъ освободиться отъ волостного суда и тѣлеснаго наказанія, крестьянской администраціи и волостныхъ и мірскихъ сборовъ. Самарское совѣщаніе отвѣтило, что причины переходовъ въ мѣщане часто заключаются въ круговой порукѣ. Ярославское совѣщаніе указало на частые переходы крестьянъ въ мѣщане, но совершенно справедливо замѣтило, что съ отмѣной 2 ч. 165 ст. Полож. о вык. по закону 14 дек. 1893 г. переходъ крестьянъ въ мѣщане съ выкупомъ надѣла долженъ прекратиться.

Дѣйствительно, съ 1894 г. такіе переходы совершаются въ видѣ исключенія. Но переходъ крестьянъ въ мѣщане съ безвозмезднымъ оставленіемъ земли обществу, конечно, происходитъ теперь точно такъ же, какъ онъ происходилъ и раньше, начиная съ 1861 года. Сколько же крестьянъ за это время перешло въ мѣщане?

При обратномъ переходѣ, т.-е. при переходѣ изъ мѣщанъ въ крестьяне, согласно ст. 578: «мѣщанинъ при переходѣ въ крестьяне имѣетъ право располагать своей собственностью въ городѣ и не принуждается выводить изъ мѣщанскаго званія всѣхъ своихъ дѣтей или родственниковъ, если самъ того не пожелаетъ». Оговорка въ законѣ о сохраненіи собственности мѣщанина при переходѣ въ крестьяне кажется въ этомъ случаѣ излишней, это само собой разумѣется. Почему же сохраненіе надѣла при переходѣ изъ крестьянъ въ мѣщане не разумѣется само собой?

Сказанное о переходѣ изъ крестьянъ въ мѣщане относится также къ вопросу о переходѣ крестьянъ въ *цеховое состояніе* [1]). При этомъ также требуется согласіе цеха, перечисленіе казенной палатой, увольнительное свидѣтельство; выгоды и невыгоды такой перемѣны состоянія здѣсь тѣ же, что и при переходѣ въ мѣщанство. Только при поступленіи въ *временные цеховые*, куда крестьяне приписываются на тѣхъ же условіяхъ, что и остальныя сословія, не требуется согласія цеха и увольнительнаго свидѣтельства, такъ какъ крестьянинъ при этомъ не выходитъ изъ своего сословія.

Переходъ крестьянина въ *купеческое сословіе* происходитъ слѣдующимъ образомъ: крестьянинъ, наравнѣ съ лицами другихъ «состояній», имѣетъ

---

[1]) См. ст. 297, 369, 370, 373 Устава о промышленности (506 ст. Зак. о сост.).

право, при соблюденіи извѣстныхъ условій, выбрать себѣ промысловое свидѣтельство перваго или второго разряда, заплативъ за него деньги, а также взять купеческое свидѣтельство I-й гильдіи или II-й гильдіи. Для этого не требуется согласія купеческаго общества, но требуется увольнительное свидѣтельство отъ сельскаго общества.

Званіе купца пріобрѣтается только на время: при невозобновленіи промысловаго и купеческихъ свидѣтельствъ

„начальникъ купеческаго семейства и всѣ внесенныя въ его сословное купеческое свидѣтельство лица считаются выбывшими изъ купеческаго сословія“ (ст. 536).

Выбывши же изъ сословія, бывшій купецъ переходитъ въ разрядъ людей, «имѣющихъ право и обязанность избрать родъ жизни».

Купеческое званіе считается почетнымъ: по ст. 548 купцы освобождены отъ тѣлеснаго наказанія; по ст. 554—купечество I-й гильдіи «составляетъ особый классъ почетныхъ людей въ государствѣ»; по ст. 555—купецъ I-й гильдіи имѣетъ право пріѣзжать къ императорскому двору и носить шпагу, а при русской одеждѣ—саблю; по ст. 556—купецъ I-й гильдіи имѣетъ право носить губернскій мундиръ, но съ воротникомъ и обшлагами подъ цвѣтъ мундира, т.-е. зеленаго сукна съ краснымъ кантомъ.

Чѣмъ же обусловлено это почетное званіе? Единственно уплатой денегъ за купеческое и промысловое свидѣтельства; для вступленія въ купеческое общество даже не требуется его согласія. Платя деньги, крестьянинъ находится въ почетномъ положеніи купца; переставъ платить—онъ лишается этого положенія.

Въ дѣйствительности крестьяне, разъ перейдя въ купцы, навсегда выходятъ изъ крестьянъ. Одни, богатѣя и пребывая въ купеческомъ званіи продолжительное время, переходятъ въ почетные граждане, а иногда въ дворяне, такъ что званіе купца часто служитъ крестьянину промежуточной стадіей для перехода въ высшія сословія; другіе, выйдя изъ купечества, для чего достаточно не уплатить деньги за купеческое и промысловое свидѣтельства, переходятъ въ разрядъ людей, «имѣющихъ право и обязанности избрать родъ жизни», и, такъ какъ надѣлъ ими уже утраченъ при увольненіи, обыкновенно приписываются къ мѣщанамъ или цеховымъ.

Ни одно сословіе не имѣетъ столько выходцевъ изъ крестьянъ, какъ купеческое; большинство московскихъ купцовъ и фабрикантовъ, не исключая и милліонеровъ, вышли изъ крестьянъ; многіе изъ нихъ, пройдя черезъ купечество, затѣмъ перешли въ потомственные граждане или дворяне.

Званіе личнаго или потомственнаго *почетнаго гражданина* пріобрѣтается на основаніи ст. 510—529 зак. о сост. и прилож. къ нимъ, слѣдующими способами:

1) Пожалованіемъ за полезную дѣятельность, 2) государственной службой, 3) пребываніемъ въ купеческомъ званіи извѣстное число лѣтъ, 4) окончаніемъ курса наукъ во всѣхъ высшихъ и во многихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, 5) усыновленіемъ дворянами, 6) рожденіемъ (отъ

отцовъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ, отъ священнослужителей и личныхъ дворянъ).

Кромѣ, разумѣется, послѣдняго способа достиженія почетнаго гражданства (рожденіемъ), всѣ остальные способы доступны крестьянамъ, и въ дѣйствительности крестьяне постоянно ими пользуются. Для пріобрѣтенія званія почетнаго гражданина необходимо увольненіе изъ общества; а это влечетъ за собой обязательный отказъ отъ надѣла. Крестьяне, перешедшіе въ почетные граждане, навсегда выходятъ изъ своего сословія, такъ какъ потомки потомственныхъ почетныхъ гражданъ, конечно, также принадлежатъ къ потомственнымъ почетнымъ гражданамъ, а потомки личныхъ почетныхъ гражданъ переходятъ въ разрядъ людей, имѣющихъ право и обязанность избрать себѣ родъ жизни и занятій, и хотя могутъ приписаться къ сельскимъ обществамъ или къ волостямъ, но обыкновенно перечисляются въ мѣщане.

Число перехода крестьянъ въ почетные граждане мало извѣстно, но можно навѣрное сказать, что это число постоянно возрастаетъ; во всякомъ случаѣ число почетныхъ гражданъ въ Россіи быстро увеличивается. Повидимому, почетный гражданинъ есть тотъ безсословный типъ подданнаго Русской имперіи, принадлежащій къ «средняго рода людямъ», по выраженію законодательства, который не пользуется особыми привилегіями, какъ дворяне, но и не подлежитъ тѣмъ ограниченіямъ, которымъ подлежатъ мѣщане, и въ особенности крестьяне. Для почетныхъ гражданъ характерно отсутствіе сословныхъ учрежденій, вѣдающихъ сословныя дѣла, подобныхъ дворянскому собранію, купеческой управѣ и т. п., между тѣмъ къ нимъ принадлежатъ всѣ лица (кромѣ дворянъ), получившіе образовательный цензъ.

Почетное гражданство обыкновенно для крестьянъ очень желательно и выгодно по тѣмъ же причинамъ, почему имъ бываетъ выгоденъ переходъ въ мѣщане: они при этомъ подлежатъ общимъ судамъ и законамъ, не подлежатъ дисциплинарнымъ наказаніямъ, избавлены отъ тѣлеснаго наказанія и т. д. Кромѣ того почетные граждане имѣютъ то преимущество передъ мѣщанами и цеховыми, что они называются *почетными*, что они имѣютъ право на полученіе безсрочныхъ паспортныхъ книжекъ и что они не подлежатъ такимъ учрежденіямъ, какъ мѣщанская и ремесленная управы, которыя, какъ извѣстно, нельзя назвать образцовыми. Главная невыгода перехода крестьянъ въ почетное гражданство есть опять-таки потеря надѣла.

Изъ узаконеній о почетномъ гражданствѣ вытекаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязательность увольненія для крестьянъ и перехода въ почетные граждане. Согласно законамъ о состояніяхъ, крестьяне, кончившіе курсъ въ высшихъ и нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣютъ право на полученіе званія почетнаго гражданина. Поэтому для полученія свидѣтельства объ окончаніи курса такого училища обыкновенно требуется увольнительное свидѣтельство отъ сельскаго общества; такимъ образомъ крестьянинъ, получая свидѣтельство объ окончаніи курса, тѣмъ самымъ

перестаетъ быть крестьяниномъ. Въ приложеніяхъ къ ст. 514 и 515 т. IX св. з. подробно переименованы всѣ тѣ училища, окончаніе курса которыхъ даетъ право на личное и потомственное почетное гражданство [1]).

Обязательность полученія увольнительнаго свидѣтельства при поступленіи даже въ высшее училище подтверждается офиціознымъ разъясненіемъ *Сельскаго Вѣстника.*

„Для поступленія въ высшія учебныя заведенія требуется увольнительный приговоръ общества“ [2]).

Другой случай, когда увольненіе изъ крестьянскаго сословія и переходъ въ другое сословіе обязательны, есть *поступленіе на государственную службу.* Полученіе чина, хотя бы даже XIV класса, даетъ уже право на личное почетное гражданство. *Сельскій Вѣстникъ* даетъ слѣдующее разъясненіе по одному частному дѣлу [3]).

„Для поступленія на службу по почтово-телеграфному вѣдомству необходимо увольненіе изъ общества (см. ст. 97, т. XII, 71 уст. почт.). А такъ какъ уволившійся изъ общества дѣлается постороннимъ лицомъ и согласно ст. 130 Общ. пол. обязанъ сдать въ общество свой надѣлъ, то крестьянинъ, поступившій по увольненіи изъ общества въ почтово-телеграфную службу, не имѣетъ права на невыкупленный надѣлъ, которымъ пользуется его отецъ“.

Такимъ образомъ крестьянинъ, поступая на государственную службу, тѣмъ самымъ обязанъ выйти изъ крестьянскаго сословія.

Переходъ изъ «сельскаго состоянія» въ «духовное состояніе» совершается: постриженіемъ въ монахи или поступленіемъ въ бѣлое духовенство.

Ст. 411 зак. о сост. Желающими постричься въ монашество должны быть предъявлены: служащими—увольненіе ихъ начальства, а сельскими обывателями и прочими лицами бывшаго податнаго состоянія—увольненіе изъ обществъ и свидѣтельство о согласіи на то казенной палаты. Окончательное разрѣшеніе дѣлъ объ увольненіи въ монашество лицъ бывшихъ податного состоянія предоставлено губернатору.

Ст. 426. Въ бѣлое духовенство могутъ вступать лица изъ всѣхъ вообще состояній.

Ст. 427. „Лица бывшихъ податныхъ состояній допускаются въ бѣлое духовенство не иначе какъ по удостовѣренію епархіальнаго начальства: 1) въ недостаткѣ по его вѣдомству лицъ духовнаго званія къ замѣщенію должностей, 2) въ томъ, что поведеніе и образованіе желающаго вступить въ оное соотвѣтствуютъ духовному званію. Проситель долженъ сверхъ того имѣть узаконенное увольненіе отъ своего общества. Дѣла сего рода, по разсмотрѣнію казенной палаты, восходятъ къ губернатору на окончательное разрѣшеніе“.

Изъ этихъ статей видно, во-первыхъ, что хотя доступъ въ духовное званіе возможенъ для крестьянъ, но онъ обставленъ нѣкоторыми ограниченіями; во-вторыхъ, что для перехода въ духовное состояніе крестьянину необходимо получить увольненіе изъ общества.

---

[1]) См. Прибавленіе II.

[2]) Сборникъ разъясненій *Сельскаго Вѣстника* за 4 года., Спб. 1902 г., № 287, стр. 78.

[3]) Тамъ же стр. 300, № 1086.

Такъ какъ дѣти священнослужителей православнаго и армяно-грегоріанскаго исповѣданій удостоиваются званія потомственныхъ почетныхъ гражданъ, а дѣти причетниковъ причисляются къ потомственнымъ гражданамъ, если они окончили курсъ средней школы, и къ личнымъ гражданамъ, если они не кончили курса, то крестьяне, поступившіе въ духовное званіе, обыкновенно навсегда уходятъ изъ своего сословія, теряя конечно, при этомъ свое право на надѣлъ.

Исключенія изъ этого общаго правила возможны въ слѣдующихъ рѣдкихъ случаяхъ: 1) когда монашествующіе или священнослужители, рожденные въ крестьянскомъ сословіи, слагаютъ съ себя санъ, или 2) когда причетники изъ крестьянъ, не кончившіе средняго учебнаго заведенія, оставляютъ свою службу. Тогда и тѣ и другіе возвращаются въ свое «первобытное» по выраженію законодательства, т.-е. крестьянское состояніе.

Переходъ изъ сельскаго состоянія въ *дворянское сословіе* на основаніи законовъ о дворянствѣ возможенъ посредствомъ тѣхъ способовъ, которыми вообще пріобрѣтается званіе дворянина, кромѣ, конечно, рожденія въ бракѣ отъ отца дворянина.

Званіе потомственнаго дворянина пріобрѣтается:

1. Пожалованіемъ Высочайшею властью.
2. Производствомъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.
3. Награжденіемъ орденами первой степени или орденомъ св. Георгія всѣхъ степеней или св. Владиміра трехъ степеней.

Званіе личнаго дворянина пріобрѣтается:

1. Пожалованіемъ.
2. Чиномъ оберъ-офицера или чиномъ IX кл. по службѣ гражданской.
3. Пожалованіемъ ордена.

Такъ какъ обыкновенно для производства въ чины и для награжденія орденомъ, нужно прежде всего поступленіе на государственную службу, а для поступленія на службу нужно увольненіе изъ общества, то крестьянинъ обыкновенно выходитъ изъ своего сословія раньше, чѣмъ пріобрѣтаетъ право на дворянство. Потомство крестьянина, сдѣлавшагося дворяниномъ, также выходитъ изъ крестьянскаго сословія, такъ какъ дѣти потомственныхъ дворянъ, конечно, сами потомственные дворяне, а дѣти личныхъ дворянъ получаютъ званіе потомственныхъ почетныхъ гражданъ.

Такимъ образомъ крестьяне при переходѣ въ дворянство теряютъ всякую связь съ своимъ сословіемъ [1]).

Въ настоящее время, при большомъ требованіи на чиновниковъ и при

---

[1]) Исключеніе изъ этого составляютъ однодворцы. Согласно ст. 964 зак. о сост. „По возведеніи однодворца въ дворянство, прежнее однодворческое имѣніе его дѣлается дворянскимъ, и онъ вступаетъ въ обладаніе и распоряженіе онымъ на правѣ, дворянству предоставленномъ“.

Это мало извѣстная статья законовъ едва ли, впрочемъ, исполняется, и отъ одводворцевъ такъ же, какъ и отъ другихъ крестьянъ, при поступленіи на службу, вѣроятно, требуется увольненіе съ отказомъ отъ надѣла.

недостаткѣ поступающихъ на службу дворянъ, крестьяне, или скорѣе выходцы изъ крестьянъ все чаще принимаются на государственную службу; тѣмъ самымъ учащаются переходы изъ сельскаго состоянія въ дворянское. Выгоды такого перехода, конечно, тѣ же, что и для перехода въ почетные граждане; кромѣ того пріобрѣтаются права и привилегіи, которыми спеціально пользуется дворянство.

Изъ краткаго изложенія тѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ возможенъ и въ дѣйствительности происходитъ переходъ изъ крестьянъ въ другія сословія, видно, что крестьяне при извѣстныхъ условіяхъ могутъ переходить во *всѣ* сословія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ переходъ *обязателенъ*. Во всѣхъ случаяхъ перехода въ другое сословіе (кромѣ случаевъ *временнаго* перехода—въ промышленники или цеховые) крестьянину нужно *уволиться* изъ своего общества, причемъ онъ *обязанъ* отказаться отъ надѣла (кромѣ однодворцевъ при переходѣ въ дворяне, см. выше). Это и есть *единственная* невыгода выхода изъ крестьянскаго сословія. Въ остальномъ же переходъ во всякое другое сословіе для крестьянина *выгоденъ*. При этомъ права его вообще расширяются, подлежатъ болѣе опредѣленной юрисдикціи и менѣе подвержены произволу начальства.

Переходъ крестьянъ въ другія сословія, особенно въ мѣщанство, происходилъ бы чаще, если бы, живя по паспортамъ на сторонѣ въ городахъ и на фабрикахъ, крестьяне не подлежали общимъ законамъ, судамъ и администраціи. Живя на сторонѣ, крестьяне не такъ сильно чувствуютъ надобность въ перемѣнѣ сословія: только изрѣдка ихъ принадлежность къ сельскому состоянію непріятно даетъ о себѣ знать — требованіемъ перемѣны паспорта или уплаты повинностей, неожиданнымъ выборомъ въ десятскіе и т. п. Не характерно ли то, что безъ очень малаго *половина* населенія Москвы состоитъ изъ крестьянъ, приписанныхъ къ крестьянскимъ обществамъ разныхъ губерній? Большая же часть остального населенія Москвы состоитъ изъ выходцевъ изъ крестьянъ.

Кто же изъ крестьянъ переходитъ въ другія сословія? Это видно уже изъ предыдущаго. Во-первыхъ, переходятъ люди, имѣющіе возможность это сдѣлать и для которыхъ владѣніе надѣломъ не представляетъ существенной выгоды; во-вторыхъ, выходятъ люди, обязанные выйти.

Къ первому разряду принадлежатъ разбогатѣвшіе крестьяне. Увольненіе изъ общества дается сельскимъ обществомъ охотно тамъ, гдѣ надѣлъ имѣетъ цѣнность; во всякомъ случаѣ за ведро или за нѣсколько ведеръ водки можно получить увольненіе. Пріемный приговоръ мѣщанскаго общества, или промысловыя и купеческія свидѣтельства пріобрѣтаются за деньги. Такимъ образомъ при помощи денегъ переходъ въ мѣщанство или купечество совершается легко, а затѣмъ открывается возможность перехода въ почетные граждане или дворяне.

Ко второму разряду (обязанныхъ выйти изъ крестьянскаго сословія) принадлежатъ: 1) окончившіе курсъ высшихъ и многихъ среднихъ учебныхъ заведеній; 2) поступающіе въ духовное знаніе, и 3) поступающіе на государственную службу.

Конечно, противъ обязательности выхода изъ крестьнскаго сословія въ громадномъ большинствѣ случаевъ никто ничего не имѣетъ. Какъ же быть недовольнымъ выходомъ изъ «бывшаго податного» состоянія? Утрата надѣла, обыкновенно не представляющаго большой цѣнности, а иногда представляющаго отрицательную цѣнность, легко вознаграждается получаемыми при этомъ выгодами.

Вообще законъ, затрудняя рядовому крестьянину выходъ изъ его сословія, предоставляетъ наоборотъ крестьянамъ, поднявшимся на высшую ступень общественной лѣстницы, широкую возможность перехода въ другія сословія. Всѣ сословія постоянно пополняются выходцами изъ крестьянства, притомъ самыми сильными и дѣятельными его представителями. Все, что немножко возвысилось надъ общимъ уровнемъ крестьянства, немедленно же выходитъ изъ него. Число выходцевъ изъ крестьянъ все увеличивается, такъ какъ не только крестьяне, перешедшіе въ другія сословія, но и ихъ потомки не возвращаются въ сельское состояніе. Всѣ эти выходцы изъ крестьянъ потеряны для сословія, изъ котораго они вышли. Выходя изъ своей среды, крестьянинъ обыкновенно порываетъ съ ней всѣ связи, выходитъ изъ-подъ ея вліянія и самъ уже не вліяетъ на нее. Отнынѣ и интересы его ничего общаго съ крестьянскими интересами не имѣютъ: онъ подлежитъ другимъ законамъ, занятъ другимъ дѣломъ, принадлежитъ другой средѣ. Что ему за дѣло до раздѣловъ, передѣловъ, надѣловъ, общины, старосты, старшины, волости и проч., — всего того, чѣмъ живутъ люди, изъ которыхъ онъ вышелъ! Наконецъ, обыкновенно онъ уѣзжаетъ отъ своей родины, гдѣ ему уже нечего дѣлать. Особенно велика пропасть между такимъ выходцемъ и его прежней средой, если онъ сдѣлался лицомъ привилегированнымъ — чиновникомъ, купцомъ, врачомъ, агрономомъ, художникомъ и т. п. Въ прежнемъ его сословіи его называютъ бариномъ, т.-е. человѣкомъ чуждымъ крестьянству; самъ же онъ обыкновенно смотритъ сверху внизъ на оставленную имъ среду, гордясь и радуясь тому, что онъ ее покинулъ.

Не иронія ли это нашего законодательства, что даже кончившіе курсъ земледѣльческихъ училищъ выписываются изъ своихъ сельскихъ обществъ, теряя надѣлы? [Прил. къ 515 ст. (п. 1 прим.), п. 7 и 10]. Свое право на надѣлъ теряютъ и сельскіе учителя изъ крестьянъ, переходя въ почетные граждане, если они окончили курсъ средней школы и прослужили извѣстное число лѣтъ, или если они получили права государственной службы.

VI.

Современный составъ крестьянскаго сословія.

Мы разсмотрѣли какъ тѣ способы, посредствомъ которыхъ не крестьяне могутъ вступать въ крестьянское сословіе, такъ и тѣ способы, посредствомъ которыхъ крестьяне могутъ переходить въ другія сословія. Какъ мы видѣли, крестьянское сословіе мало пополняется лицами остальныхъ сословій, и это пополненіи скорѣе невыгодно для него, чѣмъ выгодно; вступленіе въ крестьянское сословіе лицъ привилегированныхъ сословій, если бы даже они этого захотѣли, невозможно по закону; лицамъ же, имѣющимъ это право,—мѣщанамъ, ремесленникамъ и людямъ, имѣющимъ право и обязанность избрать родъ жизни—это невыгодно; единственная выгода, которую можно было бы при этомъ имѣть—пріобрѣтеніе надѣла, обставлена большими трудностями и пріобрѣтается въ исключительныхъ случаяхъ. Приписка же къ крестьянскому сословію лицъ всѣхъ сословій, сосланныхъ или отбывшихъ наказанія, сопряженная съ лишеніемъ правъ, по существу своему не можетъ производиться въ большихъ размѣрахъ и, конечно, не есть желательное пріобрѣтеніе для крестьянства.

Наоборотъ переходъ крестьянъ во всѣ другія сословія не только возможенъ, но и происходитъ постоянно въ большихъ размѣрахъ. Крестьянское сословіе выдѣляетъ изъ себя своихъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ, тѣхъ, которымъ вообще повезло въ жизни, которые пріобрѣли силу нашего времени—знаніе и богатство.

Теперь мы можемъ отвѣтить на вопросъ: кто же остается въ крестьянствѣ? Изъ кого состоитъ крестьянское сословіе?

Очевидно, что въ крестьянскомъ сословіи остаются люди *не* разбогатѣвшіе, *не* имѣющіе образовательнаго ценза, *не* бывшіе на государственной службѣ, и, конечно, потомки людей не богатыхъ, не имѣвшихъ образовательнаго ценза и не служившихъ. Въ самомъ дѣлѣ, богатые люди среди крестьянъ встрѣчаются въ видѣ исключенія; образованные люди—только самоучки; люди, занимающіе почетное положеніе въ обществѣ, — только тогда, когда это положеніе не есть офиціально-почетное положеніе.

Мы удивляемся, что крестьяне бѣдны, невѣжественны и косны, что крестьяне сами недостаточно высказываются о своихъ нуждахъ, не выставляютъ авторитетныхъ представителей. Откуда же крестьянину быть богатымъ, культурнымъ и развитымъ, когда какъ только онъ таковымъ дѣлается, онъ благодаря этому самому перестаетъ быть крестьяниномъ? Откуда же, при существующемъ законодательствѣ о крестьянахъ, взяться такимъ представителямъ крестьянскаго сословія, которые могли бы постоять не только за себя, но и за свое сословіе? Нельзя желоваться на то, что молоко не жирно, когда сливки съ него сняты.

Крестьянское сословіе—не замкнутое сословіе: оно сверху открыто и верхніе слои его постоянно отслаиваются отъ него. Это не то, что были раньше западно-европейскія сословія. Тамъ «ни способности, ни образова-

ніе лица, принадлежащаго къ низшему классу, не давали ему надежды на занятіе какого-нибудь положенія въ обществѣ» [1]). При современномъ же положеніи крестьянства въ Россіи, наоборотъ, способности и образованіе лица, принадлежащаго къ низшему классу, въ иныхъ случаяхъ легко, а въ другихъ—обязательно, выводятъ его изъ низшаго сословія въ высшее. Конечно, для тѣхъ, которые выходятъ изъ крестьянскаго сословія, такое положеніе дѣлъ въ Россіи выгоднѣе, чѣмъ оно было въ Европѣ, но выгодно ли оно для самого сословія, и въ общемъ, выгодно ли оно для страны?

Когда сословіе замкнуто, то все, что въ немъ есть дѣятельнаго, стремится поднять самое сословіе, стремится расширить его права, имѣя конечной цѣлью уравненіе сословія съ высшими классами. Когда же всѣ дѣятельные и сильные люди имѣютъ возможность выйти изъ сословія, то интересъ такихъ людей состоитъ въ томъ, чтобы выбраться «въ люди», т.-е. перейти въ привилегированные классы; само же сословіе обречено на косность и не имѣетъ лучшаго будущаго; оно не только не можетъ завоевать свои права, оно даже не можетъ настойчиво и обоснованно заявлять о своихъ нуждахъ.

Конечно, если бы законы о крестьянахъ мало отличались отъ законовъ, которымъ подлежатъ другія сословія, то можно было бы считать не существенными вопросы о томъ, изъ кого состоитъ крестьянское сословіе, замкнуто оно или нѣтъ. Но даже изъ поверхностнаго знакомства со спеціально-крестьянскими законами можно видѣть, что это не такъ, что есть большое различіе между юридическимъ положеніемъ крестьянъ и юридическимъ положеніемъ остальныхъ сословій, и что это различіе гораздо больше, чѣмъ различіе между юридическими нормами, разгораживающими остальныя сословія между собой.

Принадлежность къ крестьянскому сословію въ настоящее время есть существенная невыгода. Между тѣмъ, чѣмъ она обусловливается? Рожденіемъ, владѣніемъ надѣльной землей, трудностью получить образовательный цензъ или купить себѣ право перехода въ другое званіе и т. д., вообще причинами разнообразными и случайными. Тѣ причины, почему одинъ человѣкъ подлежитъ крестьянскому правопорядку, а другой—совсѣмъ другимъ законамъ, не только сплошь и рядомъ не имѣетъ raison d'être, но даже иной разъ трудно уловимо; почему, напримѣръ, какой-нибудь босякъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей есть привилегированное лицо, а почтенный домохозяинъ-землевладѣлецъ принадлежитъ къ низшему, не избавленному отъ тѣлеснаго наказанія сословію? Съ другой стороны, почему крестьянинъ дома, гдѣ онъ владѣетъ землей и живетъ осѣдло, подлежитъ особымъ крестьянскимъ законамъ, администраціи и суду, а живя въ городѣ—хотя бы временно—общимъ для всѣхъ законамъ, администраціи и суду?

Сами крестьяне хорошо чувствуютъ — правда, скорѣе безсознательно,

---

[1]) *Градовскій*: „Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ“, 1895 г.

чѣмъ сознательно—то рѣзкое различіе, которое есть между ними и остальнымъ населеніемъ, и то положеніе дѣлъ, при которомъ крестьяне не должны быть людьми образованными, богатыми и почтенными. Въ ихъ представленіи крестьянинъ—это человѣкъ безправный, подчиненный, небогатый, рабочій, необразованный (мы—«люди темные»), не имѣющій внѣшняго почетнаго положенія и прикрѣпленный къ землѣ. Баринъ—это человѣкъ привилегированный, сравнительно свободный, богатый или, по крайней мѣрѣ, денежный, требующій почета и имѣющій почетное положеніе, человѣкъ образованный и независимый. Теперь баринъ—это совсѣмъ не только помѣщикъ. Это—дворянинъ, купецъ, врачъ, землемѣръ, чиновникъ, актеръ, иностранецъ и т. п. Это вообще «un monsieur», господинъ; часто даже это выходецъ изъ крестьянъ, но только это не крестьянинъ. Конечно, такое раздѣленіе огульно и не точно; но въ общемъ ему соотвѣтствуетъ то законодательство, которое оставляетъ въ крестьянствѣ только людей «темныхъ».

Можно также сказать, что не только въ Россіи, но и въ западной Европѣ населеніе расчленяется на «господъ» и «народъ». Это, конечно, вѣрно. Но въ западной Европѣ, во-первыхъ, рабочій народъ и верхніе слои общества равноправны по закону, въ Россіи же это раздѣленіе основано на законѣ; во-вторыхъ, тамъ нѣтъ искусственнаго отсортированія верхняго слоя населенія отъ нижнихъ слоевъ. Поэтому нигдѣ нѣтъ такого рѣзкаго различія между низшими и высшими классами, какъ въ Россіи, что обыкновенно поражаетъ пріѣзжающихъ къ намъ иностранцевъ.

VII.

Вопросъ о равноправности крестьянъ.

Вслѣдъ за вопросомъ—изъ кого состоитъ въ настоящее время крестьянское сословіе?—естественно возникаетъ вопросъ: изъ кого же оно должно бы состоять? Какой реформы законовъ, опредѣляющихъ составъ крестьянскаго сословія, можно пожелать?

Такъ какъ вопросъ о составѣ крестьянскаго сословія тѣсно связанъ со всей совокупностью сословныхъ особенностей крестьянъ, то мнѣ придется нѣсколько отвлечься отъ непосредственнаго предмета настоящаго очерка и коснуться нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, относящихся къ юридическому положенію крестьянъ.

Какъ извѣстно, крестьяне составляютъ низшее, бывшее податное, сословіе людей, ограниченное въ своихъ правахъ сравнительно съ остальными сословіями. То, что такое положеніе громаднаго большинства населенія есть положеніе по отношенію къ нимъ несправедливое и, какъ анахронизмъ въ настоящемъ строѣ общества, служитъ одной изъ причинъ застоя общественной и гражданской жизни не только самихъ крестьянъ, но и всей Россіи, было высказано въ той или другой формѣ много разъ и въ настоящее время можно признать установленнымъ.

До 19 февраля 1861 г. основной причиной неравноправности крестьянъ было крѣпостное право. Несмотря на то, что отъ временъ Алексѣя Михайловича до временъ Александра II мечта лучшихъ русскихъ людей состояла въ отмѣнѣ его, освобожденіе крестьянъ представлялось въ то время крайне труднымъ преобразованіемъ, такъ какъ имъ затрогивались существенные интересы другихъ классовъ. Но послѣ того, какъ крѣпостное право было «отмѣнено навсегда», въ сущности ничьи интересы, кромѣ самихъ крестьянъ, не затронуты непосредственно въ томъ, равноправны ли крестьяне, или нѣтъ, съ прочими сословіями, и въ настоящее время вопросъ о полномъ сліяніи крестьянъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи есть только вопросъ времени.

Въ этомъ не сомнѣвались руководители дѣла освобожденія. Они допускали спеціальные законы для крестьянъ, обособляющіе ихъ отъ привилегированныхъ классовъ, только въ качествѣ временной мѣры,—отчасти изъ опасенія, какъ бы помѣщики, еще не утратившіе своего вліянія, не нарушили только что провозглашенную свободу крестьянъ, отчасти для того, чтобы обезпечить помѣщиковъ и казну въ уплатѣ наложенныхъ на крестьянъ податей и выкупныхъ платежей [1]).

При проведеніи реформъ, непосредственно слѣдовавшихъ за 19 февраля, вопросъ о равноправности крестьянъ признавался какъ бы предрѣшеннымъ. Въ извѣстномъ указѣ сенату, повелѣвавшемъ распубликовать Судебные Уставы, Александръ II высказалъ, что эти Уставы «вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и *равный для всѣхъ подданныхъ нашихъ*». Въ томъ же смыслѣ проведены—земская реформа, призвавшая крестьянъ къ участію въ мѣстномъ самоуправленіи, и военная реформа, установившая для всѣхъ сословій одинаковыя права службы. Затѣмъ, послѣ изданія законовъ о принудительномъ выкупѣ всѣхъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель, юридическая зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ отошла въ область преданія. Наконецъ въ 1885 году была отмѣнена подушная подать, послѣ чего податное сословіе крестьянъ превратилось въ «бывшее податное сословіе». «Нельзя не поразиться тѣмъ, пишетъ г. Страховскій [2]), какъ широки и разнообразны послѣдствія логическаго завершенія закона 28 мая 1885 г. объ уничтоженіи подушной подати и связаннаго съ нею ревизскаго счета населенія. Обязанный своимъ возникновеніемъ ревизіи 1719 г., этотъ «счетъ» опуталъ крестьянское населеніе безконечными и сложными путами; онъ уже давно ликвидированъ, но все еще протягиваетъ изъ тьмы вѣковъ свои цѣпкія руки, охватывая ими всѣ стороны крестьянскаго быта... Пора ему сказать: «руки прочь!»

---

[1]) Объ этомъ между прочимъ см. *Г. Евреиновъ*: Крестьянскій вопросъ въ современной его постановкѣ, 1903 г. и *Пѣшехоновъ*: Крестьянскій вопросъ (*Право*. 1904 г. № 5).

[2]) *И. Страховскій*: Крестьянскія права и учрежденія 1903 г., стр. 236.

Вслѣдствіе отмѣны подушной подати, обязательнаго перехода на выкупъ и произведеннаго въ 80-хъ годахъ пониженія выкупныхъ платежей, крестьянское сословіе утратило присущій ему повинностный характеръ. Первоначальныя опасенія о вредномъ вліяніи помѣщиковъ и привилегированныхъ лицъ на крестьянъ, конечно, въ настоящее время должны быть оставлены. Такимъ образомъ неравноправное и обособленное положеніе крестьянъ лишилось своихъ послѣднихъ оправданій. Есть, впрочемъ, мнѣніе, что обособленность крестьянскаго сословія по необходимости вытекаетъ изъ особенностей «общиннаго строя« крестьянской жизни. Ниже я постараюсь показать, что такой необходимости нѣтъ.

Однако послѣдующіе законодательные акты не только задержали дальнѣйшее развитіе законодательства о крестьянахъ въ духѣ реформъ Александра II, но внесли нѣкоторыя новыя ограниченія правъ крестьянъ. Таковы законы 1889 г., имѣвшіе цѣлью создать сильную и близкую къ народу власть, подчинившіе крестьянъ и крестьянскія учрежденія попечительству и надзору правительственныхъ чиновниковъ—земскихъ начальниковъ, предоставившіе земскимъ начальникамъ право утвержденія и обжалованія приговоровъ волостного и сельскаго схода по своему усмотрѣнію, установившіе особые способы воздѣйствія на крестьянъ въ видѣ наказаній, налагаемыхъ въ административномъ порядкѣ и т. д.; таковы же законы о семейныхъ раздѣлахъ (1888 г.) и законы о передѣлахъ мірской земли (1893 г.), имѣвшіе цѣлью регламентировать нѣкоторыя гражданскія правоотношенія крестьянъ. Такимъ образомъ завершеніе крестьянской реформы въ духѣ руководителей дѣла освобожденія остается вопросомъ будущаго.

За послѣднее время необходимость расширенія правъ крестьянъ въ смыслѣ уравненія ихъ съ правами остального населенія Россіи чувствуется все болѣе и болѣе. Въ той или другой формѣ, въ полномъ объемѣ или по частнымъ вопросамъ, это пожеланіе опредѣленно и настойчиво высказывалось какъ въ печати, такъ и въ общественныхъ собраніяхъ — въ земствахъ, на разныхъ съѣздахъ, въ нѣкоторыхъ правительственныхъ коммиссіяхъ, министромъ финансовъ въ его отчетахъ и въ особенности въ комитетахъ, собранныхъ въ 1902 г. для сужденія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Во многихъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности неуспѣхъ сельскаго хозяйства ставился въ прямую зависимость отъ неудовлетворительнаго юридическаго положенія крестьянъ. Суммируя мнѣнія комитетовъ, Ив. С. въ *Правѣ* (1904 № 5. Крестьянскій вопросъ въ комитетахъ) спрашиваетъ:

«Если попробовать свести въ одно всѣ разсмотрѣнныя разнообразныя разсужденія и пожеланія сельско-хозяйственныхъ комитетовъ по отдѣльнымъ вопросамъ крестьянскаго дѣла, то какой получится изъ нихъ общій выводъ? Если требуется сложеніе съ крестьянъ исключительнаго податного бремени и распредѣленіе между всѣми сословіями лежащихъ на крестьянахъ спеціальныхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей; далѣе — освобожденіе крестьянъ отъ спеціальной административной опеки, не рас-

пространяющейся на другія сословія, и въ томъ числѣ отъ такихъ стѣсняющихъ крестьянскую самодѣятельность элементовъ этой опеки, какъ ограниченія свободы передвиженія, семейной самодѣятельности и права избранія рода жизни и занятій; далѣе—отмѣна тѣлесныхъ наказаній и административныхъ взысканій; уничтоженіе сословнаго крестьянскаго управленія и особыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, съ объединеніемъ крестьянъ въ общемъ административномъ и общественно-хозяйственномъ строѣ съ другими сословіями; далѣе—распространеніе на крестьянъ общихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, учрежденіе, взамѣнъ сословнаго волостного суда, низшаго всесословнаго суда, при одновременномъ облегченіи доступа крестьянъ къ высшимъ общимъ судамъ, то чего же, въ общемъ, хотятъ комитеты? Не равноправности ли крестьянъ съ другими сословіями?

«Именно равноправности.

«Это требованіе или пожеланіе формулировано комитетами въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ».

Въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ чуть ли не впервые высказались въ этомъ смыслѣ сами крестьяне.

Въ докладной запискѣ ковровскому комитету о нуждахъ сельскаго хозяйства крестьянинъ Носковъ пишетъ: «Бѣдности и упадку благосостоянія земледѣльца за послѣднія 10 лѣтъ или 12 лѣтъ есть главная причина: стѣсненіе и неравенство крестьянина съ другимъ гражданиномъ. Уничтожить бѣдность и поднять ихъ благосостояніе и земледѣліе—нужно просить и ходатайствовать передъ правительствомъ, не найдетъ ли оно возможнымъ дать свободу и равенство управленія крестьянину съ другими сословіями, т.-е. купцомъ, мѣщаниномъ и проч., и освободить ихъ отъ нерѣшенныхъ судомъ арестовъ и проч.». И далѣе: «Если только правительство найдетъ съ своей стороны это возможнымъ—устроить бытъ крестьянскаго населенія наравнѣ съ другими сословіями, тогда черезъ 5 или 6 лѣтъ у крестьянъ явятся: умъ, способность, деньги, скотъ, машины и земледѣльческія орудія»...

Вотъ мнѣніе другого крестьянина (Тульской губ.) М. Н.: «мы просимъ... пересмотрѣть и измѣнить спеціальные для крестьянъ законы, по которымъ мы признаемся не вообще за людей, а за людей низшаго порядка, которыхъ можно наказывать розгой. Просимъ мы это потому, что страшно намъ жить съ угнетающимъ душу сознаніемъ, что ты не человѣкъ, а «крестьянинъ», и тебя, если захотятъ, то сейчасъ же могутъ и выпороть».

На необходимость равноправности крестьянъ указываетъ также Л. Н. Толстой въ одномъ письмѣ (1901 г.). «Уравненіе крестьянства, составляющаго большинство народа, во всѣхъ правахъ съ другими сословіями особенно нужно потому, что не можетъ быть прочно и твердо такое общественное устройство, при которомъ большинство это не пользуется одинаковыми съ другими правами, а находится въ положеніи раба, связаннаго особыми, исключительными законами... Не можетъ быть того, чтобы

въ обществѣ людей, связанныхъ между собою, было бы хорошо однимъ, а другимъ худо. Въ особенности же не можетъ этого быть, если худо большинству, на которомъ зиждется все общество».

VIII.

Особенности гражданскаго правопорядка крестьянской жизни.

Итакъ, принципіальное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса состоитъ въ осуществленіи начала равноправности по отношенію къ крестьянамъ. Это было намѣчено реформами Александра II; это же высказано общественнымъ мнѣніемъ; этого же желаютъ сами крестьяне.

Такое разрѣшеніе вопроса кажется на первый взглядъ простымъ и яснымъ. Казалось бы, нужно только отмѣнить всѣ тѣ законы, благодаря которымъ крестьяне принадлежатъ къ особому низшему сословію, и дать имъ тѣ же самыя публичныя и частныя права, которыя принадлежатъ лицамъ другихъ, сравнительно полноправныхъ сословій, и равноправность съ ними крестьянъ была бы такимъ путемъ установлена.

Но если правовое положеніе крестьянъ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ регулироваться общимъ законамъ, то такая реформа должна повлечь за собой распаденіе всего того своеобразнаго строя ихъ жизни, который только отчасти опредѣленъ нѣкоторыми спеціальными постановленіями закона, главнымъ же образомъ основанъ на издавна сложившемся обычаѣ. Тогда правоотношенія крестьянъ, регулируемыя въ настоящее время преимущественно обычаемъ, должны будутъ опредѣляться X томомъ св. з. или тѣмъ уложеніемъ, которое его замѣнитъ; общинное землевладѣніе должно будетъ распасться, и крестьяне должны будутъ владѣть надѣльной землей на правѣ частной собственности. Желательно ли такое коренное преобразованіе? Если положеніе крестьянъ, какъ низшаго сословія, ограниченныхъ во многихъ личныхъ правахъ, подлежащихъ особому управленію, не избавленныхъ еще отъ тѣлеснаго наказанія и т. д., есть зло, то слѣдуетъ ли изъ этого, что *все то, что отличаетъ крестьянъ отъ другихъ сословій*, есть зло и служитъ причиной ихъ безправнаго положенія? Устраняя вредное, какъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ не погубить и нѣчто полезное? Нужно ли для осуществленія принципа равноправности разрушать всѣ особенности крестьянскаго быта?

Вопросы о мірскомъ землевладѣніи, о земельной общинѣ, о правѣ наслѣдованія крестьянъ, о крестьянской семьѣ, какъ трудовомъ союзѣ,— вообще вопросы о своеобразномъ гражданскомъ устройствѣ крестьянской жизни, основанномъ преимущественно на обычномъ правѣ, всегда признавались самыми важными вопросами крестьянскаго правопорядка; въ нихъ усматривался центръ тяжести крестьянскаго вопроса. Какъ извѣстно, литература по этимъ вопросамъ очень богата, но до послѣдняго времени мнѣнія по нимъ разнообразны и нерѣдко рѣзко расходятся. Уже вскорѣ послѣ реформы 19 февраля, при обработкѣ богатаго матеріала по обычно-

му праву, собраннаго коммиссіей подъ предсѣдательствомъ сенатора Любощинскаго, въ литературѣ обнаружилось рѣзкое разногласіе. Въ то время «рядомъ съ правительственной инициативой шла и инициатива частныхъ лицъ, направившихъ свои труды какъ на новыя изслѣдованія о народномъ судѣ и обычномъ правѣ, каковы работы Чубинскаго, Ефименко, Якушкина, такъ и на обработку собраннаго матеріала. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи выдаются работы Оршанскаго, Скоробогатова, Заруднаго, проф. Пахмана (по обычному гражданскому праву) и проф. Кистяковскаго (по уголовному праву).

«При свѣтѣ всѣхъ этихъ изслѣдованій русское обычное право получило весьма обстоятельную обработку, и русская юридическая литература можетъ справедливо гордиться своими трудами по этой отрасли правовѣдѣнія. Не менѣе тщательной обработкѣ подвергся и вопросъ о современномъ состояніи волостныхъ судовъ, какъ судовъ обычнаго права.

«Періодъ собиранія практическаго матеріала смѣнился въ 70-хъ годахъ періодомъ критической оцѣнки этого матеріала. Появилась цѣлая серія статей и изслѣдованій, посвященныхъ вопросамъ о значеніи обычнаго права для законодателя, о значеніи обычнаго права, какъ правовой нормы для народнаго суда, о достоинствахъ, недостаткахъ и желательныхъ измѣненіяхъ въ сферѣ организаціи народной юстиціи.

«Съ 70-хъ годовъ и по настоящее время вопросы эти не сходятъ со страницъ юридическихъ журналовъ, раздѣляя юристовъ на два рѣзко противоположные лагеря, до сихъ поръ не нашедшихъ себѣ почвы для какого-либо соглашенія» [1]).

Особенно много написано и особенно рѣзко расходятся мнѣнія по основному вопросу крестьянскаго правопорядка,—по вопросу объ общинномъ землевладѣніи. Начиная съ знаменитой полемики объ общинѣ Бѣляева и Чичерина, споръ о томъ, быть или не быть общинѣ? не прекращался до послѣдняго времени. Казалось бы, послѣ трудовъ Постникова, Трирогова, Тернера, В. В., Кочаровскаго, Ефименко и мн. друг., вопросъ этотъ долженъ бы быть исчерпанъ. Между тѣмъ за послѣднее время появился рядъ статей гг. Чичерина, Никольскаго, Воскресенскаго, П. Д., Риттиха и друг., отрицающихъ общинное землевладѣніе, и имъ опять возражали сторонники общины—Ѳ. Д. Самаринъ, В. В., Кочаровскій, Пѣшехоновъ и друг. Такимъ образомъ въ литературѣ вопросъ—быть или не быть общинѣ, остается открытымъ.

Въ задачу настоящаго очерка не входитъ разсмотрѣніе вопросовъ о пользѣ или вредѣ въ отношеніи государственномъ и экономическомъ спеціальнаго крестьянскаго правопорядка, вопросовъ о преимуществахъ обычнаго права или общегражданскихъ законовъ, въ частности вопроса о цѣлесообразности общиннаго землевладѣнія. Признаемъ только, что едва ли возможно просто отрицать правовыя нормы, вѣками сложившіяся у народа, и отвѣчающія въ нѣкоторыхъ случаяхъ началу справедливости въ большей

---

[1]) *А. Леонтьевъ*: „Волостной судъ и юридическіе обычаи крестьянъ“, стр. 4—5.

мѣрѣ, чѣмъ законы, изданные правительственною властію. Въ предисловіи къ своему классическому сочиненію «Обычное право», проф. Пахманъ высказываетъ по этому вопросу слѣдующее:

«Понятно, что есть такія обычныя правила, внесеніе которыхъ въ кодексъ равнялось бы первобытному, младенческому правосознанію; но внимательный глазъ открылъ бы въ нашемъ обычномъ правѣ, быть можетъ, и такія начала, которыя свойственны самому развитому юридическому быту, и которыя слѣдовательно не было надобности черпать изъ какого-либо другого источника».

Мнѣніе о томъ, что не только замѣна нормъ народнаго гражданскаго права существующими законами, но и искусственная регламентація ихъ есть путь ложный, высказывалось не разъ, особенно по вопросу объ общинномъ землевладѣніи, и притомъ не только защитниками, но и противниками его. Такое мнѣніе было высказано уже редакціонными коммиссіями:

«Вопросъ объ общинномъ и личномъ владѣніи долженъ быть въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи предоставленъ естественному ходу вещей; во всякомъ случаѣ слѣдуетъ удерживаться отъ стремленія разрѣшать этотъ вопросъ принудительными правительственными мѣрами», и далѣе: «Законъ въ этомъ случаѣ долженъ служить только точкой опоры для постепенно развивающагося сознанія народнаго» [1]).

То же думалъ Ю. Ѳ. Самаринъ:

«Мірское владѣніе, если того требуетъ естественный ходъ экономическаго развитія, легко перейдетъ въ личное; удерживая общину, какъ фактъ существующій, мы не связываемъ нисколько будущаго. Но если мы легкомысленно потрясемъ ее и самовольно введемъ въ нее разъѣдающую стихію личнаго владѣнія, то мы навсегда убьемъ сельскую общину; ибо, разъ распавшись на единицы, она уже никогда не сомкнется опять въ одно цѣлое» [2]).

По мнѣнію Ѳ. Тернера: «вмѣсто того, чтобы мечтать о хуторномъ хозяйствѣ или искусственно вести дѣло къ превращенію общиннаго въ подворное владѣніе, надо признать неизбѣжность существующаго факта и идти отъ него» [3]).

Даже противники общиннаго землевладѣнія въ большинствѣ случаевъ не рѣшаются высказаться за такія мѣры, какъ превращеніе надѣльной земли въ частную собственность и подчиненіе всѣхъ частноправовыхъ отношеній крестьянъ общимъ гражданскимъ законамъ. Рекомендуются только такія мѣры, которыя должны постепенно упразднять общинное землевладѣніе. Такимъ образомъ противники общиннаго землевладѣнія какъ бы признаютъ, что въ крестьянскомъ правопорядкѣ есть нѣчто, что, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, ломать не слѣдуетъ.

---

[1]) Матер. ред. ком., т. III, кн. I (2-е изд.), стр. 235; т. XIII, стр. 250.

[2]) Соч. Ю. Ѳ. Самарина, т. II, стр. 171.

[3]) *Ѳ. Тернеръ*: „Государство и землевладѣніе“, стр. 220.

Такъ, наприм., К. Ѳ. Головинъ утверждаетъ, что «мы и не думаемъ посягать на господствующую великорусскую форму общиннаго землевладѣнія; мы желаемъ лишь облегчить переходъ отъ этой формы къ другимъ, болѣе совершеннымъ, такъ какъ мы глубоко убѣждены въ окончательномъ и неизбѣжномъ исчезновеніи общины» [1]).

Даже новѣйшій страстный противникъ общиннаго строя, г. Никольскій, находитъ (нѣсколько противорѣча себѣ же), что общіе гражданскіе законы могутъ быть распространены на крестьянъ лишь съ «изъятіями»: «Если у насъ на крестьянъ будутъ распространены общіе гражданскіе законы съ тѣми лишь изъятіями, которыя необходимы для охраны земледѣльческихъ гнѣздъ, и общія же учрежденія—судебныя и административныя, и будетъ дано право выдѣляться изъ общины, то безъ всякой принудительности община постепенно уничтожится всюду, гдѣ она уже не соотвѣтствуетъ современнымъ потребностямъ крестьянскаго хозяйства, а крестьяне въ условіяхъ общегражданскаго порядка будутъ постепенно пріобщаться къ общей культурной жизни страны и сближаться съ болѣе культурными слоями населенія, опасное обособленіе крестьянъ отъ некрестьянъ исчезнетъ само собой, и Россія станетъ единою, въ истинномъ смыслѣ этого слова.

«Такимъ образомъ никакой ломки не требуется, чтобы направить гражданскій бытъ крестьянъ въ то же русло, по которому идетъ наша гражданская жизнь и дѣятельность, нормируемая X томомъ, и это было бы не какой-либо измѣной завѣтамъ 19 февраля 1861 г., а, напротивъ возвращеніе къ этимъ завѣтамъ, нарушеннымъ и искаженнымъ въ послѣдующее время, ибо, какъ уже выяснено мною, реформа 19 февраля 1861 г. была прежде всего освобожденіемъ крестьянскаго труда» [2]).

Убѣжденный противникъ общиннаго землевладѣнія, Б. Н. Чичеринъ, въ послѣдней статьѣ его, посвященной этому вопросу, также не находитъ возможнымъ теперь же приступить къ его ликвидаціи. Высказавши, что въ настоящее время нѣтъ благопріятныхъ условія для выработки удовлетворительнаго гражданскаго правопорядка среди крестьянъ, Б. Н. Чичеринъ пишетъ слѣдующее:

«При такихъ условіяхъ что же остается дѣлать законодательству для внесенія нѣкотораго совѣта въ гражданскія отношенія крестьянъ? Думается, что чѣмъ меньше, тѣмъ лучше. Когда все находится въ полномъ туманѣ и нѣтъ даже путныхъ органовъ для дѣйствія, опасно приниматься за такое сложное дѣло. Необходимо только установить нѣкоторыя непреложныя правила, безъ которыхъ никакой гражданскій порядокъ не мыслимъ. Къ числу такихъ правилъ принадлежитъ прежде всего признаніе, что то, что человѣкъ покупалъ на свои деньги, не можетъ быть у него отнято. Ст. 36 Общ. Полож. должна стать истиной... Желательно также, чтобы отчужденіе участковъ въ стороннія руки представлялось на утвержденіе уѣзд-

---

[1]) *К. Ѳ. Головинъ:* „Сельская община въ литературѣ и дѣйствительности", стр. 259.

[2]) *А. Никольскій:* „Земля, община и трудъ", стр. 186.

ныхъ присутствій не въ видахъ огражденія правъ общины или даже всего крестьянскаго сословія, а въ видахъ огражденія правъ семьи, которой существенные интересы могутъ быть принесены въ жертву легкомысленными обсужденіями. Какъ бы ни разрѣшился вопросъ о принадлежности подворныхъ участковъ, такая задержка можетъ быть только полезна. Остальныя же ограниченія должны быть отмѣнены. Наконецъ, 165 ст. Положенія о вык. должна быть возстановлена въ полной силѣ, ибо она одна открываетъ правильный исходъ изъ существующаго хаоса... Остальное можно предоставить дальнѣйшему ходу жизни» [1]).

Б. Н. Чичерину возражалъ сторонникъ общиннаго землевладѣнія Ѳ. Д. Самаринъ. Находя, что предлагаемыя имъ мѣры произвели бы коренное измѣненіе всего общиннаго строя, Ѳ. Д. Самаринъ замѣчаетъ:

«Казалось бы, что споры объ общинѣ, которые такъ давно ведутся въ нашей литературѣ, должны бы, по крайнѣй мѣрѣ, привести къ одному результату: въ нашемъ обществѣ должно бы твердо установиться то убѣжденіе, что нежелательно измѣнять или разрушать насильственно эту вѣковую форму народнаго быта. Выгодно или не выгодно общинное владѣніе,—этотъ вопросъ пусть рѣшитъ самъ народъ; всякая ломка тутъ нежелательна и опасна» [2]).

Итакъ, въ правовомъ строѣ крестьянской жизни есть нѣчто,—а именно нѣкоторыя особенности гражданскаго устройства крестьянъ,—разрушеніе чего, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, не признается желательнымъ. Подчиненіе всѣхъ частно-правовыхъ отношеній крестьянъ общимъ гражданскимъ законамъ, X тому или тому гражданскому уложенію, которое его замѣнитъ, навязало бы крестьянамъ чуждыя имъ правовыя понятія; превращеніе мірской земли въ частную собственность было бы нарушеніемъ права общины, какъ собственника мірской земли, и крестьянъ, какъ членовъ общины. Такая реформа въ общемъ произвела бы насильственную ломку всей жизни деревни и въ корнѣ пресѣкла бы возможность всякаго дальнѣйшаго развитія спеціальныхъ институтовъ крестьянскаго права, вредъ которыхъ по меньшей мѣрѣ не доказанъ.

Признаемъ, что сама жизнь должна бы разрѣшить вопросы о томъ, долженъ ли своеобразный частноправовой строй крестьянъ развиваться и выработать болѣе устойчивыя и опредѣленныя формы, или же онъ долженъ замѣниться общими гражданскими законами. Только для этого дѣйствіе спеціальныхъ частноправовыхъ нормъ крестьянской жизни не должно бы быть ни затемняемо правилами фискально-административнаго характера, ни стѣсняемо законоположеніями, искуственно выработанными въ канцеляріяхъ и навязываемыми крестьянамъ. Законъ могъ бы только въ общихъ чертахъ фиксировать нормы, уже выработанныя жизнью. Такимъ путемъ было бы положено начало синтезу двухъ направленій—сторонниковъ и про-

---

[1]) *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1897 г., №№ 327 и 328.

[2]) *Ѳ. Д. Самаринъ*: „О мірской надѣльной землѣ“, 1902 г.

тивниковъ спеціальнаго крестьянскаго правопорядка. Такой синтезъ, по мнѣнію г. Леонтьева, «не только возможенъ, но и прямо обязателенъ, ибо онъ одинъ можетъ указать на правильное разрѣшеніе задачи нормальной организаціи народной юстиціи. Только такой синтезъ, который будетъ произведенъ послѣ выдѣленія изъ двухъ противоположныхъ теорій тѣхъ элементовъ истины, какія каждая въ себѣ содержитъ и который поставитъ своей цѣлью сочетать эти элементы истины вмѣстѣ и соподчинить ихъ тѣмъ задачамъ, какія должны осуществляться народной юстиціей; только такой синтезъ можетъ разсчитывать на всеобщее признаніе. Потому что самаго бѣглаго взгляда на теоріи защитниковъ и противниковъ обычнаго права достаточно для того, чтобы убѣдиться, что каждая изъ нихъ содержитъ значительную долю истины» [1]).

IX.

Могутъ ли крестьяне не быть обособленнымъ сословіемъ?

Такимъ образомъ вопросъ о равноправности крестьянъ съ прочими сословіями осложняется тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ своихъ крестьяне подлежатъ и должны бы подлежать извѣстнымъ особымъ нормамъ права. Отсюда однако вовсе не слѣдуетъ, что эти особенности гражданскаго устройства крестьянъ должны служить причиной ихъ неполноправнаго положенія. Для равноправности между людьми нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы права ихъ были тождественны; въ зависимости отъ мѣстныхъ историческихъ и другихъ условій права людей могутъ быть неодинаковы; начало равноправности требуетъ только, чтобы неодинаковыя права людей были *равноцѣнны*. Поэтому крестьяне могли бы быть равноправны съ прочими сословіями, подлежа въ то же время нѣкоторымъ особымъ нормамъ частнаго права, если бы только эти неодинаковыя съ прочими сословіями гражданскія права ихъ были съ ними равноцѣнны.

Существующіе законы о крестьянахъ, какъ извѣстно, далеко не удовлетворяютъ такому требованію. Не разъ уже указывалось на несовершенства законовъ о крестьянахъ, представляющихъ сводъ неопредѣленныхъ и разнородныхъ въ юридическомъ смыслѣ постановленій. Сбивчивость терминологіи, смѣшеніе общепринятой юридической классификаціи, разбросанность по разнымъ отдѣламъ и противорѣчивость постановленій, относящихся къ частному праву,—все это затрудняетъ руководство этими законами, толкованіе ихъ и даже знакомство съ ними. Такъ, напримѣръ, въ законахъ о крестьянахъ недостаточно опредѣлены и смѣшаны между собой какъ публичныя, такъ въ особенности частныя права крестьянъ: гражданскій союзъ —земельная община смѣшана съ фискально-административнымъ учрежденіемъ—сельскимъ обществомъ; точно не опредѣлено, въ какихъ случаяхъ частныя правоотношенія крестьянъ подлежатъ обычаю, въ какихъ слу-

---

[1]) *Леонтьевъ*: „Волостной судъ и юридич. обычаи крестьянъ“, стр. 8.

чаяхъ закону, и какъ обычай долженъ быть устанавливаемъ; судебныя функціи тѣхъ или другихъ учрежденій называются нерѣдко административными и ведутся въ административномъ порядкѣ; нотаріальная часть находится въ безпорядочномъ положеніи, и т. д. Кодификація законовъ о крестьянахъ въ Особое Приложеніе къ IX т. Св. Зак. изд. 1902 г. отвѣтила на существенную потребность, но этимъ, конечно, общіе недостатки кодекса не могли быть исправлены. Нѣкоторымъ коррективомъ являются разъясненія сената, но, какъ постановленія, дѣлаемыя по частнымъ случаямъ, разъясненія эти нерѣдко противорѣчатъ другъ другу и не имѣютъ обязательной силы закона.

Казалось бы, главной цѣлью особаго законодательства о крестьянахъ должно бы быть опредѣленіе ихъ гражданскаго правопорядка, такъ какъ только въ этомъ можно было бы видѣть оправданіе такого положенія дѣлъ, благодаря которому громадное большинство населенія Россіи подлежитъ исключительному законодательству. Между тѣмъ это далеко не такъ: законы о крестьянахъ опредѣляютъ меньше всего ихъ гражданскія права. Главное же значеніе спеціальнаго законодательства для крестьянъ состоитъ въ обособленіи ихъ въ низшее, ограниченное въ своихъ правахъ, бывшее податное сословіе. Такъ это толкуетъ и сенатъ въ одномъ изъ своихъ разъясненій: «главнымъ правиломъ организаціи сельскихъ обществъ по нашему законодательству служитъ начало сословности» [1]). До сихъ поръ многія постановленія «Особаго приложенія» относятся къ *сословно-податной припискѣ* крестьянъ, послѣ отмѣны подушной подати, пониженія и выплаты выкупныхъ платежей утратившей свое значеніе, такъ какъ въ настоящее время крестьянское сословіе есть уже не податное, а только «бывшее податное» сословіе. Между тѣмъ отсюда вытекаетъ большинство ограниченій правъ крестьянъ.

Г. Страховскій въ своей статьѣ «Обособленность и равноправность крестьянъ», выясняя «существо крестьянской обособленности», перечисляетъ эти ограниченія.

«Условія правовой и экономической жизни изолированной крестьянской массы заключаются въ цѣломъ рядѣ публично и частно-правовыхъ ограниченій. Тѣлесное наказаніе, административные аресты и штрафы, дискреціонное управленіе, повинностный характеръ самоуправленія, отсутствіе свободы передвиженія, недостаточная охрана права, отрицаніе семейной самостоятельности, непризнаніе правъ частной собственности, хаосъ земельно-имущественныхъ отношеній, исключительныя повинности и т. д.,— всѣ эти «особенности» составляютъ тѣ давленія и вліянія, подъ дѣйствіемъ которыхъ протекаетъ жизнь крестьянина» [2]).

Признаніе необходимости равноправности крестьянъ требуетъ отмѣны всѣхъ этихъ ограниченій. Крестьяне не должны бы быть ограничены ни

---

[1]) Рѣш. прав. сен. 27 мая 1887 г.

[2]) *И. Страховскій*: „Крестьянскія права и учрежденія“, стр. 229.

въ правѣ выбора рода занятій и осѣдлости, ни въ свободѣ передвиженія, ни въ правѣ участія въ общественномъ самоуправленіи (въ земствахъ и городахъ), ни въ правѣ государственной службы; не должно бы быть особаго наказанія для крестьянъ—тѣлеснаго наказанія; не должно бы быть особой квалификаціи проступковъ, совершаемыхъ крестьянами (напримѣръ, такихъ проступковъ, какъ неисполненіе словеснаго договора о наймѣ на сельскія работы, а также мотовство и пьянство, караемыхъ только въ томъ случаѣ, если они совершены крестьянами); крестьяне не должны бы подлежать особымъ взысканіямъ, налагаемымъ въ административномъ порядкѣ; не должны бы быть ссылаемы по приговорамъ сельскихъ обществъ; не должны бы отбывать особыхъ повинностей, удовлетворяющихъ преимущественно потребностямъ общегосударственнымъ; нѣтъ надобности въ особомъ управленіи и судѣ для крестьянъ и т. д. Единственное отличіе крестьянъ отъ прочихъ сословій должно бы заключаться въ особыхъ правилахъ, опредѣляющихъ ихъ частноправовое устройство. Ни въ чемъ другомъ ихъ права не должны бы быть не только ограничены, но и не должны бы отличаться отъ правъ остального населенія имперіи.

Таковы выводы, вытекающіе изъ признанія, что неравноправное сравнительно съ прочими сословіями положеніе крестьянъ есть положеніе ненормальное и несправедливое. Поставимъ же вопросъ о равноправности крестьянъ опредѣленнѣе: такъ какъ остальное населеніе Россіи неоднородно и подраздѣляется на сословія, то съ кѣмъ же собственно крестьяне могли бы быть уравнены въ своихъ правахъ? Различіе между правами лицъ остальныхъ состояній, можетъ быть, менѣе рѣзко выражено, чѣмъ различіе между правами крестьянъ, съ одной стороны, и правами лицъ всѣхъ остальныхъ сословій, съ другой стороны, но все же оно есть.

Повидимому, уже въ настоящее время намѣчается тотъ типъ безсословныхъ, но сравнительно полноправныхъ подданныхъ Россійской имперіи, къ пріобрѣтенію правъ которыхъ стремятся низшія сословія. Это—почетные граждане. Сословія мѣщанъ и цеховыхъ, ограниченныхъ въ нѣкоторыхъ своихъ правахъ и имѣющихъ органы самоуправленія, дѣятельность которыхъ все менѣе отвѣчаетъ нарастающимъ потребностямъ, еще сохранили свою обособленность и носятъ на себѣ слѣды своего бывшаго податного состоянія; отчасти раздѣляя въ этомъ отношеніи участь крестьянъ, эти сословія въ свою очередь ожидаютъ преобразованій. Права купцовъ имѣютъ временый характеръ. Дворянскому сословію присущи нѣкоторыя привилегіи, т.-е. дворяне пользуются нѣкоторыми исключительными правами. Одни только почетные граждане ни ограничены въ своихъ правахъ, какъ низшія сословія, ни находятся въ особомъ привилегированномъ положеніи, подобно дворянамъ: почетные граждане не имѣютъ сословной организаціи, пользуются свободой выбора рода занятій и мѣста осѣдлости и свободой передвиженія (благодаря возможности получать безсрочныя паспортныя книжки), имѣютъ право участія въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи, имѣютъ возможность поступленія въ правительственныя училища и т. д.,

главное же, ихъ права не подлежатъ тѣмъ ограниченіямъ, которымъ подлежатъ крестьяне, и въ нѣкоторой мѣрѣ — мѣщане. Если признать, что задача нашего законодательства заключается въ разрушеніи сословныхъ преградъ, то почетные граждане представляютъ изъ себя единственный разрядъ безсословныхъ, но сравнительно полноправныхъ людей, съ правами которыхъ естественно могли бы быть уравнены права упраздняемыхъ сословій, въ частности—права крестьянъ [1]).

Но пойдемъ далѣе. Положимъ, что какъ частныя, такъ и публичныя права крестьянъ были бы уравнены съ тѣми же правами почетныхъ гражданъ, съ тѣмъ только изъятіемъ, чтобы извѣстныя частныя права крестьянъ (относящіяся къ ихъ землевладѣнію, а также семейныя, наслѣдственныя и др.) отличались отъ правъ, опредѣляемыхъ общими законами, но были *равноцѣнны* съ ними. Можно ли тогда будетъ признать (предполагая во всемъ остальномъ современный сословный строй неизмѣнившимся), что крестьяне вполнѣ вышли изъ своего неравноправнаго положенія? Правильно ли будетъ такое разрѣшеніе вопроса о равноправности крестьянъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи?

Вспомнимъ, изъ кого состоитъ крестьянское сословіе. Мы видѣли, что по существующимъ законамъ крестьяне образуютъ особое «бывшее податное» сословіе, что принадлежность къ нему обусловливается почти исключительно рожденіемъ, и что благодаря выходу изъ крестьянства наиболѣе культурныхъ и дѣятельныхъ элементовъ его, крестьянское сословіе представляетъ малокультурную, малоимущую, но обособленную массу. Слѣдовательно, если бы лица, принадлежащія къ крестьянскому сословію *при настоящемъ его составѣ*, отличались отъ остального населенія хотя бы только тѣмъ, что они подлежали бы особому гражданскому правопорядку, то крестьяне остались бы *обособленнымъ* сословіемъ. Между тѣмъ всякая сословная обособленность уже несетъ въ себѣ элементы неравенства. Когда низшіе классы населенія обособлены въ сословія, даже въ томъ случаѣ, когда ихъ права равны (или равноцѣнны) съ правами высшихъ классовъ, то неизбѣжно въ послѣдующемъ законодательствѣ, а еще болѣе въ исполнительныхъ органахъ, является тенденція къ умаленію или ограниченію правъ этихъ сословій. По отношенію же къ крестьянскому сословію это тѣмъ болѣе возможно, что вслѣдствіе существующихъ законовъ, опредѣляющихъ его составъ, оно, какъ мы видѣли, постоянно выбрасываетъ изъ своей среды самыхъ сильныхъ своихъ представителей, переходящихъ въ другія сословія.

---

[1]) Только очень немногія черты въ юридическомъ положеніи почетныхъ гражданъ не совсѣмъ, можетъ быть, желательны для такихъ безсословныхъ лицъ, каковыми могли бы стать люди упраздненныхъ сословій. Такъ почетные граждане пользуются привилегіей по нѣкоторымъ проступкамъ, согласно ст. 181 Уст. о Нак., судиться въ общихъ судахъ; съ другой стороны они не имѣютъ правъ государственной службы. Замѣтимъ, что хотя законъ называетъ „состояніе“ почетныхъ гражданъ „городскимъ“, они никакихъ особыхъ юридическихъ отношеній къ городу не имѣютъ.

Поэтому фактически равноправными съ прочими сословіями—въ частности съ почетными гражданами — крестьяне могли бы быть только въ томъ случаѣ, если бы они слились съ ними, если бы переходъ крестьянъ въ разрядъ безсословныхъ людей и обратный переходъ не сопровождался никакимъ пріобрѣтеніемъ или утратой правъ, словомъ, если бы крестьяне не составляли обособленнаго сословія. Но возможно ли это, если замѣна нѣкоторыхъ особенностей гражданскаго устройства крестьянъ общими гражданскими законами не признается желательной? Какъ примирить противорѣчіе между необходимостью сохранить извѣстныя особенности гражданскаго правопорядка крестьянской жизни съ необходимостью не только осуществить начало равноправности по отношенію къ крестьянамъ, но и разрушить ихъ сословную обособленность?

Очевидно, что пока крестьянамъ, какъ людямъ, принадлежащимъ къ извѣстному сословію, будутъ присущи хотя бы только нѣкоторыя особыя частныя права (или ограниченія правъ), до тѣхъ поръ эти права будутъ служить причиной ихъ обособленности. Но всматриваясь въ особенности частноправоваго устройства крестьянъ, мы увидимъ, что достаточной причиной для того, чтобы въ жизни деревни дѣйствовалъ извѣстный особенный гражданскій правопорядокъ, можно признать только своеобразный характеръ ихъ коллективнаго, *мірскаго землевладѣнія* [1]). Если бы такая точка зрѣнія была принята въ законодательствѣ, т.-е. если бы закономъ было установлено, что *лишь по отношенію къ мірскому землевладѣнію допустимы нѣкоторыя спеціальныя нормы гражданскаго права*, то такой особенный правопорядокъ не служилъ бы причиной обособленности крестьянъ.

Правовыя особенности, относящіяся къ мірскому землевладѣнію, могли бы составить особое гражданское право, основанное не на *личномъ* признакѣ—сословности *крестьянъ*, а на признакѣ *предметномъ*—владѣніи *мірской землей*. Тогда владѣніе мірской землей не служило бы причиной ограниченія личныхъ правъ или сословнаго обособленія ея владѣльцевъ, а только обязывало бы ихъ подчиняться извѣстнымъ правиламъ о «мірскомъ землевладѣніи». Право на участіе въ мірскомъ землевладѣніи не было бы правомъ сословнымъ и могло бы принадлежать не только крестьянамъ, а быть доступно всѣмъ. Гражданскія права крестьянъ такъ же, какъ и прочія права ихъ, могли бы опредѣляться общими законами; спеціальныя же правила о мірскомъ землевладѣніи относились бы къ нимъ такъ же, какъ и къ прочимъ владѣльцамъ мірской земли, лишь въ той мѣрѣ, въ какой они бы въ немъ участвовали.

---

[1]) Словами „мірское землевладѣніе“ я буду называть такое коллективное землевладѣніе, при которомъ владѣльцемъ земли является міръ—сельское общество, а не отдѣльныя лица независимо отъ того, находится ли эта земля въ общинномъ пользованіи или участковомъ, принадлежатъ ли крестьяне къ бывшимъ помѣщичьимъ, государственнымъ или инымъ крестьянамъ. Въ мірскомъ владѣніи слѣдовательно находятся всѣ земли, отведенныя уставными граматами,—всѣ надѣльныя земли, а также купленныя сельскими обществами чрезъ крестьянскій банкъ или иначе.

Другими словами: права крестьянъ, въ томъ числѣ гражданскія права ихъ, могли бы быть уравнены, даже отождествлены съ правами бессословныхъ людей. Извѣстныя же особенности частнаго права, относящіяся къ землевладѣнію крастьянъ, могли бы составить спеціальное, но доступное для всѣхъ право (или, если бы оно было кодифицировано,— кодексъ) о «мірскомъ землевладѣніи», объектомъ котораго была бы мірская земля, а субъектомъ—владѣльцы ея, кто бы они по своему званію или происхожденію ни были. Такое положеніе о мірскомъ землавладѣніи могло бы замѣнить собою все спеціальное законодательство о крестьянахъ.

Такимъ путемъ крестьяне вышли бы изъ того неравноправнаго и обособленнаго положенія, въ которомъ они находятся въ настоящее время; вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразный правопорядокъ, дѣйствующій по отношенію къ мірскому землевладѣнію, не только не былъ бы нарушенъ, но явилась бы возможность дальнѣйшаго его развитія.

Обратимся же къ дѣйствующему законодательству для того, чтобы убѣдиться, что своеобразныя нормы частнаго права, дѣйствующія въ крестьянскомъ быту, лишь постольку цѣлесообразны, поскольку онѣ относятся къ мірскому землевладѣнію.

X.

О законахъ, опредѣляющихъ гражданскія права крестьянъ.

Какъ извѣстно, существующіе законы весьма недостаточно опредѣляютъ гражданскія права крестьянъ. Этому мало помогаютъ толкованія законовъ, даваемыя литературой и учрежденіями, вѣдающими крестьянскія дѣла, вслѣдствіе большого разнообразія и противорѣчивости этихъ толкованій.

Особенно чувствуется недостатокъ въ точномъ разграниченіи тѣхъ случаевъ, когда крестьяне должны руководствоваться спеціальными нормами, даваемыми закономъ или обычаемъ, и тѣхъ случаевъ, когда они подлежатъ общимъ законамъ. Трудность такого разграниченія увеличивается еще тѣмъ, что немногія постановленія, опредѣляющія гражданскій правопорядокъ крестьянъ, не согласованы съ постановленіями, опредѣляющими предметы вѣдомства суда, такъ что нерѣдко приходится пользоваться послѣдними для уясненія первыхъ. Внѣ же суда по нѣкоторымъ вопросамъ крестьянамъ какъ будто совсѣмъ не дается указаній, могущихъ руководить ихъ частную жизнь.

Законы, опредѣляющіе гражданское устройство крестьянской жизни, находятся въ IX томѣ св. зак.—отчасти въ законахъ о состояніяхъ, а главнымъ образомъ въ Особомъ Приложеніи къ IX тому; кромѣ того, сюда относятся нѣкоторыя статьи особыхъ узаконеній, какъ, наприм., статья 6 вексельнаго устава, ст. 19 пол. о видахъ на жительство, Уставъ о крестьянскомъ банкѣ и нѣкот. др.

Слѣдующія основныя статьи устанавливаютъ тѣ случаи, когда крестьяне подлежатъ спеціальному праву, и тѣ случаи, когда они подлежатъ общему праву:

Ст. 1. На крестьянъ распространяются общія постановленія законовъ гражданскихъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ.

Примѣчаніе 1. Попеченіе о личности и объ имуществѣ малолѣтнихъ сиротъ крестьянъ возлагается, по мѣсту жительства или нахожденія недвижимаго имущества, на обязанность сельскихъ или волостныхъ обществъ, а также сиротскаго суда или того мѣста, которое отправляетъ его должность. Въ назначеніи опекуновъ и попечителей, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ сего рода дѣлахъ крестьяне руководствуются мѣстными своими обычаями. Если бы въ распоряженіяхъ міра родственники малолѣтняго усмотрѣли что-либо клонящееся къ его ущербу, то они могутъ обращаться къ защитѣ земскаго участковаго начальника или мирового посредника.

Ст. 2. Крестьяне, какъ отдѣльно, такъ и цѣлыми обществами, могутъ входить, на основаніи общихъ постановленій, во всякіе, закономъ дозволенные договоры, обязательства и подряды какъ съ частными лицами, по взаимному съ ними согласію, безъ ограниченія суммы съ той и другой стороны, такъ и съ казною.

Ст. 9. Каждый крестьянинъ можетъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя и движимыя имущества, а также отчуждать оныя, отдавать ихъ въ залогъ и вообще распоряжаться ими, съ соблюденіемъ общихъ узаконеній, установленныхъ на сей предметъ для сельскихъ обывателей.

Ст. 10. Сельское общество можетъ также, на основаніи общихъ законовъ, пріобрѣтать въ собственность движимыя и недвижимыя имущества. Землями, пріобрѣтенными въ собственность независимо отъ своего надѣла, общество можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, раздѣлять ихъ между домохозяевами и предоставлять каждому участокъ въ частную собственность или оставлять сіи земли въ общемъ владѣніи всѣхъ домохозяевъ.

Примѣчаніе. Правила о крестьянскихъ товариществахъ, пріобрѣтающихъ земли при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка, содержатся въ уставѣ сего банка.

Ст. 13. Въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями.

Ст. 17. Правила о пользованіи и распоряженіи надѣльными землями крестьянъ (ст. 15) излагаются какъ въ семъ Общемъ Положеніи о крестьянахъ, такъ и въ Положеніи о выкупѣ (кн. II) и въ Положеніяхъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ (кн. IV и V).

Слѣдующія статьи Общаго Положенія, опредѣляющія «предметы вѣдомства и предѣлы власти волостного суда», даютъ нѣкоторыя дополнительныя данныя:

Ст. 125. Изъ числа гражданскихъ дѣлъ вѣдомству волостного суда подлежатъ: 1) споры и тяжбы между крестьянами о недвижимомъ имуществѣ, входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла; 2) всякаго рода споры и тяжбы между лицами, подвѣдомственными волостному суду, цѣною до трехсотъ рублей, за исключеніемъ исковъ о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе недвижимостью, основанномъ на крѣпостныхъ или явочныхъ актахъ; 3) означенные въ пунктѣ 2 споры и тяжбы, предъявляемые къ лицамъ, подвѣдомственнымъ волостному суду, истцами, сему суду не подвѣдомственными, въ томъ случаѣ, когда послѣдніе пожелаютъ разбираться въ волостномъ судѣ; 4) дѣла по наслѣдованію и раздѣламъ между наслѣдниками крестьянскаго имущества: а) безъ ограниченія суммы, когда наслѣдственное имущество входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, а движимость составляетъ принадлежность этого надѣла, и б) когда наслѣдственное имущество, находящееся въ предѣлахъ во-

лости, хотя и не входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, но цѣнность его не превышаетъ пятисотъ рублей.

Ст. 135. Волостной судъ рѣшаетъ дѣла по совѣсти, на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ. При разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями.

Попытаемся въ общихъ чертахъ показать: во-первыхъ, въ какихъ случаяхъ гражданскія права крестьянъ, *связанныя съ мірскимъ землевладѣніемъ, опредѣляются спеціальными нормами* (основанными либо на законѣ, либо на обычаѣ), и въ какихъ случаяхъ *общими гражданскими законами*, и, во-вторыхъ, въ какихъ случаяхъ гражданскія права крестьянъ, *не относящіяся къ области мірского землевладѣнія*, опредѣляются *спеціальными нормами*, въ какихъ случаяхъ *общими гражданскими законами*.

I. *Вещныя права крестьянъ на недвижимости*, входящія въ составъ мірской земли или пріобрѣтенныя цѣлыми обществами, а также *права на движимость*, представляющія «необходимую принадлежность крестьянскаго надѣла», на основаніи ст. 10, 15, 17, опредѣляются спеціальными статьями «Особаго Приложенія», помѣщенными въ разныхъ его отдѣлахъ, и обычнымъ правомъ.

Хотя въ законѣ нигдѣ прямо не говорится, что *обязательственныя права* крестьянъ относительно надѣльныхъ земель опредѣляются спеціальными нормами, но такъ какъ согласно ст. 135 волостной судъ при разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами руководствуется мѣстными обычаями, и такъ какъ заключеніе нѣкоторыхъ договоровъ зависитъ отъ схода, то отсюда можно заключить, что къ договорнымъ правамъ крестьянъ, относящимся къ мірской землѣ, примѣнимъ обычай.

Согласно ст. I Общаго Полож. *семейныя права* крестьянъ въ правоотношеніяхъ, связанныхъ съ мірскимъ землевладѣніемъ такъ же, какъ и внѣ этой области, должны бы, повидимому, опредѣляться только общими гражданскими законами; но въ дѣйствительности происходитъ обратное: семейно-имущественныя права крестьянъ, относящіяся къ мірской землѣ, въ большинствѣ случаевъ опредѣляются обычаемъ, а не закономъ. Обычай устанавливаетъ, что имущество крестьянскаго двора есть общая семейная собственность, а не собственность главы семьи, домохозяинъ же только распоряжается ею, и выраженія нѣкоторыхъ статей мѣстныхъ положеній заставляютъ думать, что законъ, впадая этимъ въ противорѣчіе съ ст. Общ. Полож., также признаетъ общую собственность крестьянской семьи. Уже въ примѣчаніи 1 къ ст. оговорено, что въ дѣлахъ по опекѣ крестьяне руководствуются обычаемъ. Затѣмъ въ ст. 110 великороссійскаго Положенія (особ. приб. IV, 15) говорится, что усадебная земля каждаго крестьянскаго двора остается въ потомственномъ пользованіи проживающаго въ томъ дворѣ *семейства* (а не отдѣльнаго крестьянина); малороссійское Положеніе также устанавливаетъ, что подворные участки отводятся въ пользованіе *крестьянскихъ семействъ*. Къ тому же заключенію можно придти изъ толкованія ст. 125 и 135 Общ. Пол., по смыслу

которыхъ волостной судъ, при разборѣ дѣлъ о семейно-имущественныхъ правахъ крестьянъ, въ предѣлахъ его подсудности руководствуется обычаемъ, а не закономъ. Наконецъ, въ Положеніи о видахъ на жительство есть одно существенное ограниченіе семейныхъ правъ крестьянъ, установленное ст. 19 Положенія о видахъ на жительство: хозяинъ крестьянскаго двора можетъ не выдать паспорта неотдѣленному, но совершеннолѣтнему члену его семьи. Изъ выраженія «хозяинъ крестьянскаго двора» видно, что это ограниченіе относится къ области правоотношеній, возникающихъ изъ владѣнія надѣльной землей, такъ какъ «крестьянскій дворъ» есть институтъ, имѣющій мѣсто только у крестьянъ, владѣющихъ надѣльной землей. Замѣтимъ, что этимъ ограниченіемъ затронуто личное право крестьянъ, свобода передвиженія.

О наслѣдственныхъ правахъ крестьянъ по отношенію къ мірскимъ землямъ (и не только по отношенію къ нимъ) законъ высказывается опредѣленно, и это можетъ быть единственный случай опредѣленнаго выраженія закона о гражданскихъ правахъ крестьянъ: наслѣдованіе надѣльными землями происходитъ по обычаю.

Наслѣдованіе у крестьянъ, какъ это признается изслѣдователями обычнаго права, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, происходитъ только въ томъ случаѣ, когда дворъ, въ общемъ семейномъ владѣніи котораго находится крестьянское имущество, почему-либо прекращаетъ свое существованіе; пока же общая семья существуетъ, могутъ происходить только выдѣлы, или же, когда общая семья дѣлится на двѣ новыя единицы, происходитъ раздѣлъ. Поэтому раздѣлы и выдѣлы получаютъ особенно важное значеніе въ крестьянской жизни. По закону 16 марта 1888 года у крестьянъ, земля которыхъ находится въ общинномъ пользованіи, раздѣлы производятся сельскими сходами,—конечно, на основаніи обычая и спеціальныхъ постановленій; раздѣлъ же надѣльныхъ земель, находящихся въ участковомъ пользованіи крестьянъ, а у общинниковъ раздѣлъ «усадебныхъ, полевыхъ и иныхъ земель, пріобрѣтенныхъ въ собственность другими, кромѣ надѣленія, способами, а также раздѣлъ движимости, не составляющей необходимой принадлежности крестьянскаго двора» (ст. 4), не относится къ вѣдѣнію сходовъ и вѣдается волостнымъ судомъ, если имущество входитъ въ составъ надѣла.

Выраженіе закона (ст. 13) «крестьянамъ дозволяется руководствоваться обычаемъ» слѣдуетъ понимать въ императивномъ смыслѣ, какъ это толкуетъ Боровиковскій (Отчетъ судьи, дѣла мужичьи) и Леонтьевъ (Волостной судъ и юридическіе обычаи крестьянъ). Это подтверждается ст. 135, согласно которой волостной судъ «въ особенности въ дѣлахъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства *руководствуется* мѣстными обычаями», т.-е. обязанъ руководствоваться ими.

Однако, хотя законъ опредѣленно указываетъ на то, что волостной судъ руководствуется мѣстными обычаями въ особенности въ дѣлахъ о наслѣдованіи, на практикѣ нерѣдко бываетъ иначе. Волостной судъ, от-

части вслѣдствіе отсутствія обычая или трудности его выясненія, отчасти вслѣдствіе общаго стремленія крестьянъ къ личной собственности, нерѣдко въ этихъ дѣлахъ руководствуется общими гражданскими законами не только по отношенію къ внѣнадѣльному имуществу крестьянъ, но и по отношенію къ надѣльному. Не разъ указывалось на то, что такое отношеніе волостного суда къ этимъ дѣламъ производитъ большую путаницу въ крестьянской жизни. Наслѣдованіе надѣльной землей по женской линіи въ $^1/_{14}$ части дочерьми, въ $^1/_7$ части матерью, наслѣдованіе надѣльной землей отдаленными родственниками, или родственниками, перешедшими въ другія селенія, совершенно не согласуется съ понятіями объ общности имущества крестьянской семьи и принадлежности этого имущества двору, а не главѣ семьи. Такъ какъ относительно надѣльныхъ земель обычай среди крестьянъ несомнѣнно существуетъ, то волостной судъ не долженъ бы, ссылаясь на его отсутствіе, примѣнять въ этихъ случаяхъ общіе законы; нарушеніе этого несогласно не только съ духомъ, но и съ буквальнымъ толкованіемъ закона.

Въ *общемъ, права крестьянъ, относящіяся къ мірскому землевладѣнію, опредѣляются прежде всего спеціальными узаконеніями и обычаемъ*, и общіе гражданскіе законы въ этой области мало примѣнимы.

II. Обратимся къ вопросу о томъ, въ какихъ случаяхъ юридическія отношенія крестьянъ, не касающіяся мірского землевладѣнія, опредѣляются спеціальными нормами, и въ какихъ случаяхъ—общими гражданскими законами.

Вещныя права крестьянъ на движимыя и недвижимыя имущества, пріобрѣтенныя ими въ частную собственность, опредѣляются ст. 9 Общ. Пол., согласно которой крестьяне пріобрѣтаютъ эти имущества и распоряжаются ими «съ соблюденіемъ общихъ узаконеній, установленныхъ на сей предметъ для сельскихъ обывателей»; но такъ какъ законъ не поясняетъ, въ чемъ «общія» узаконенія о пріобрѣтеніи и распоряженіи внѣнадѣльныхъ имуществъ *для сельскихъ обывателей* отличаются отъ *общихъ* гражданскихъ узаконеній, то практика установила, что права крестьянъ относительно этихъ имуществъ (за исключеніемъ земель, купленныхъ товариществами чрезъ крестьянскій банкъ) опредѣляются общими законами. Это подтверждается ст. 125, согласно которой волостному суду не подлежитъ разборъ правъ на недвижимости, основанныхъ на крѣпостныхъ или явочныхъ актахъ и на всякія другія имущества, стоимость которыхъ превышаетъ 300 р.; къ этимъ дѣламъ, какъ подлежащимъ общимъ судамъ (которые не обязаны руководствоваться ст. 135), нормы обычая, повидимому, неприложимы. Такимъ образомъ обычай можетъ быть примѣненъ судомъ только къ дѣламъ по имуществамъ крестьянъ, стоимость которыхъ не выше 300 р. и права на которыя не основаны на крѣпостныхъ или явочныхъ актахъ.

Обязательственныя права крестьянъ, не относящіяся къ надѣльной землѣ, опредѣляются общими законами, такъ какъ нигдѣ въ законѣ не говорится, что для внѣнадѣльныхъ договоровъ крестьянъ есть особыя

правила. Напротивъ, на крестьянъ распространяются въ этомъ отношеніи общіе гражданскіе законы (ст. 2 Общ. Пол.). Но изъ сопоставленія ст. 125 и 135 Общ. Пол. можно заключить, что волостной судъ можетъ, при разборѣ дѣлъ о договорахъ по внѣнадѣльному имуществу, примѣнять обычай, если имущество не основано на крѣпостномъ или явочномъ актѣ и не превышаетъ 300 р. Затѣмъ есть еще одно ограниченіе договорнаго права крестьянъ: согласно ст. 9 вексельнаго устава, крестьяне не имѣютъ права обязываться по векселямъ.

Семейныя права крестьянъ должны бы, по буквальному смыслу ст. 1 Общ. Пол., опредѣляться общими законами, все равно имѣютъ ли они отношеніе къ мірскому землевладѣнію, или нѣтъ. Но, какъ сказано, практика согласно обычаю и нѣкоторымъ указаніямъ закона устанавливаетъ, что по отношенію къ мірскому землевладѣнію семейныя имущественныя права крестьянъ опредѣляются особыми нормами. Такъ какъ нѣтъ подобныхъ же причинъ, почему семейныя права крестьянъ, не имѣющія отношенія къ мірскому землевладѣнію, опредѣлялись бы обычаемъ, то надо думать, что здѣсь должны дѣйствовать общіе гражданскіе законы; если же иногда волостной судъ не поступаетъ соотвѣтственно, то это несогласно съ закономъ. Только ст. 19 Полож. о видахъ на жительство представляетъ узаконеніе, которое хотя и имѣетъ отношеніе къ мірскому землевладѣнію, но ограничиваетъ *личное* право крестьянъ на свободу передвиженія въ пользу главы семьи.

Наслѣдственныя права крестьянъ относительно внѣнадѣльныхъ имуществъ опредѣляются ст. 13 Общ. Полож., согласно которой крестьянамъ вообще *дозволяется* наслѣдовать по обычаю, а не по общимъ законамъ. Это подтверждается ст. 135 Общ. Полож. Однако, несмотря на то, что слову «дозволяется» долженъ быть приданъ смыслъ императивный, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что крестьяне при наслѣдованіи внѣнадѣльными имуществами не только всегда, но даже обыкновенно руководствуются обычаемъ; въ большинствѣ случаевъ происходитъ обратное. Это происходитъ по слѣдующимъ причинамъ: суды не только волостные, но и общіе суды (которымъ подлежатъ всѣ дѣла по наслѣдству и раздѣлу внѣнадѣльныхъ крестьянскихъ имуществъ, стоящихъ дороже 500 руб.) обыкновенно признаютъ обязательную силу словъ «дозволяется руководствоваться обычаемъ»; но чѣмъ руководствоваться, когда обычай не установленъ, когда не извѣстно даже, существуетъ ли обычай? Такъ какъ руководствоваться обычаемъ дозволяется, а не предписывается, то отсюда выводится заключеніе, что законъ не запрещаетъ, при отсутствіи обычая, руководствоваться иными нормами, т.-е. общими гражданскими законами; вопросъ же о томъ, существуетъ ли обычай, рѣшается такъ: если стороны не ссылаются на обычай, его нѣтъ, если же стороны указываютъ на обычай, то—такъ какъ истецъ долженъ доказать свой искъ и судъ самъ не собираетъ доказательствъ—стороны должны доказать его существованіе [1]). Поэтому, а

[1]) См. *Боровиковскій*: „Дѣла мужичьи“, стр. 41 и др.

также потому, что обычаи среди крестьянъ не формулированы, разнообразны и мало извѣстны судьямъ (кромѣ развѣ волостныхъ судей) и что по отношенію къ наслѣдованію внѣнадѣльными имуществами, право на пріобрѣтеніе которыхъ крестьяне получили лишь съ 1861 г., обычаи не могли еще выясниться, законъ же, наоборотъ, устанавливаетъ нормы опредѣленныя и общія для всѣхъ,—въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ дѣлахъ о наслѣдованіи и раздѣлѣ внѣнадѣльныхъ имуществъ крестьянъ примѣняется не обычай, а законъ. Если же иногда примѣняется обычай, то это зависитъ по большей части не отъ того, существуетъ ли обычай или нѣтъ, а отъ разныхъ причинъ—отъ состава судей, знающихъ обычаи и склонныхъ къ тому, чтобы ихъ примѣнять, отъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, для которыхъ въ данномъ случаѣ выгодно основаться на обычаѣ, а не на законѣ, или даже отъ такихъ, напримѣръ, случайностей—успѣлъ ли такой-то крестьянинъ передъ смертью переписаться изъ крестьянъ въ мѣщане (отъ чего измѣняются права наслѣдниковъ, такъ какъ крестьянинъ, перейдя въ другое сословіе, подлежитъ уже общимъ закономъ) или отъ того, находится ли имущество наслѣдодателя-крестьянина въ городѣ, или на мѣстѣ его осѣдлости, и т. д.

Въ общемъ, внѣ области мірского землевладѣнія права крестьянъ въ большинствѣ случаевъ *опредѣляются общими законами*; когда же эти права опредѣляются спеціальными правилами или обычаемъ, то это зависитъ отъ разнообразныхъ и случайныхъ причинъ.

XI.

О мірскомъ землевладѣніи.

Таковы въ общихъ чертахъ нормы, разграничивающія сферу дѣйствія спеціальныхъ крестьянскихъ законовъ и обычаевъ, съ одной стороны, отъ сферы дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ—съ другой стороны. Толкованія нѣкоторыхъ статей закона могутъ быть иныя, чѣмъ вышеизложенныя; таковы уже крестьянскіе законы, что они нерѣдко допускаютъ различныя и даже противорѣчащія другъ другу толкованія. Но въ общемъ легко видѣть, что разграниченіе спеціально крестьянскаго частнаго права отъ общаго принципіально не обосновано: трудно даже уловить какой-либо постоянный признакъ для такого разграниченія. Судебно-административная практика, которая могла бы выяснить многіе вопросы, также не даетъ однообразныхъ и сколько-нибудь опредѣленныхъ толкованій; въ ней только замѣчается общая тенденція къ примѣненію къ крестьянскимъ дѣламъ общихъ законовъ, въ особенности же въ дѣлахъ внѣнадѣльныхъ.

Только по отношенію къ надѣльной землѣ отчасти закономъ, отчасти жизнью болѣе или менѣе опредѣленно намѣчается, что въ этой области крестьяне должны подчиняться спеціальнымъ узаконеніямъ и обычаю. Указанія же закона о примѣненіи спеціальныхъ узаконеній или обычая ко внѣнадѣльнымъ правоотношеніямъ крестьянъ крайне неопредѣленны, разнорѣчивы

и мало обоснованы. Этимъ можно объяснить почему не только общіе суды и инстанціи волостного суда, но даже волостной судъ въ дѣлахъ, не имѣющимъ отношенія къ надѣльной землѣ, если только есть возможность выбора, обыкновенно предпочитаютъ общіе гражданскіе законы обычаю. Почему, наприм., права крестьянъ на внѣнадѣльную собственность, если она не превышаетъ 300 р. и не основана на крѣпостныхъ или явочныхъ актахъ, а также семейныя и договорныя права по отношенію къ той же собственности опредѣляются то обычаемъ, то закономъ (что слѣдуетъ изъ ст. 125 и 135 вол. суда)? Почему крестьяне подлежатъ стѣсненію личной свободы по ст. 19 вид. на жит.? Почему крестьяне не могутъ обязываться векселями? Почему рѣшеніе вопроса, наслѣдуютъ ли крестьяне внѣнадѣльнымъ имуществомъ по обычаю или по закону, зависитъ отъ такихъ случайностей, какъ ссылка сторонъ на обычай, перемѣна сословія наслѣдодателя и т. п.? Почему отъ усмотрѣнія суда можетъ зависѣть выборъ между закономъ и обычаемъ?

Можно и слѣдуетъ признать, что есть достаточное основаніе къ тому, чтобы въ области правоотношеній, связанныхъ съ мірской землей, дѣйствовало особое право, такъ какъ въ этой области извѣстныя формы землевладѣнія и землепользованія, особые семейные обычаи и особые способы наслѣдованія сложились издавна, и насильственное разрушеніе этого своеобразнаго правопорядка не признается возможнымъ. Но есть ли достаточное основаніе къ тому, чтобы внѣ области правоотношеній, касающихся мірского землевладѣнія, крестьяне должны были руководствоваться какими-либо исключительными нормами права?

Очевидно, что такъ же, какъ и всякія другія сословныя права или ограниченія правъ «сельскихъ обывателей», исключительныя гражданскія права крестьянъ, какъ сословія, утратили въ настоящее время raison d'être: крестьяне должны бы подлежать общимъ для всѣхъ законамъ, въ томъ числѣ и общимъ гражданскимъ законамъ.

Независимо отъ этого правоотношенія, касающіяся мірского землевладѣнія, должны бы регулироваться нѣкоторыми спеціальными нормами. Но не фактъ принадлежности къ извѣстному сословію, а фактъ владѣнія мірской землей долженъ бы служить причиной дѣйствія извѣстнаго спеціальнаго права, и разграниченіе сферы дѣйствія спеціальнаго права о мірскомъ землевладѣніи отъ сферы дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ должно бы быть основано не на личномъ признакѣ—на сословности крестьянъ, а на признакѣ предметномъ—на мірскомъ землевладѣніи. А такъ какъ мы признали, что крестьянамъ, какъ сословію, не должны бы принадлежать какія-либо исключительныя права (или ограниченія правъ), то право на владѣніе мірской землей также не должно бы быть правомъ однихъ только лицъ, принадлежащихъ къ сословію «сельскихъ обывателей», а какъ право частное, имущественное, должно бы быть доступно всѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему крестьяне, получившіе иное званіе или привилегированное положеніе, обязаны отказываться отъ своихъ надѣловъ и выходить изъ земель-

ныхъ общинъ? Почему также не могли бы, при соблюденіи извѣстныхъ условій, пріобрѣтать право на владѣніе мірской землей лица другихъ сословій или званій?

Допущеніе иносословныхъ лицъ въ крестьянскую среду можетъ встрѣтить то возраженіе, что такимъ путемъ въ среду крестьянъ внѣдрятся кулаки, которые будутъ прибирать къ своимъ рукамъ надѣльную землю, наводнять своей скотиной общественные выгоны и т. д. Едва ли это такъ. Кулаки въ настоящее время зарождаются преимущественно въ крестьянской же средѣ, и нельзя предполагать, чтобы явились какіе-то особенные эксплоататоры изъ другихъ сословій. Если бы крестьяне принадлежали къ особой низшей расѣ, а остальныя сословія—къ высшей, то тогда огражденіе крестьянской среды отъ вторженія въ нее людей высшей расы, пожалуй, имѣло бы значеніе, и тогда, можетъ быть, былъ бы смыслъ въ томъ, чтобы крестьянскія земли, подобно территоріямъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, оставались заповѣдными, но къ счастію этого нѣтъ. Между тѣмъ, благодаря запрещенію для иносословныхъ входить въ сельскія общества и владѣть надѣльной землей, а также вслѣдствіе искусственнаго отсортированія отъ крестьянства наиболѣе культурныхъ элементовъ его, крестьянская среда въ настоящее время представляетъ однородную, обособленную, мало культурную массу. Появленіе новыхъ лицъ въ этой средѣ можетъ только оживить и обновить ее. При этомъ мірская земля могла бы остаться неотчуждаемой отъ общинъ; но такъ какъ членами общинъ могли бы быть не только лица, рожденныя въ крестьянскомъ сословіи, а также лица другихъ сословій, то мірская земля была бы освобождена отъ исключительной принадлежности ея извѣстному сословію.

Ни происхожденіе, ни образовательный цензъ, ни поступленіе на государственную службу, ни зачисленіе въ цехъ или гильдію, ни какое бы то ни было званіе не должно бы служить причиной для отказа отъ владѣнія мірской землей или препятствіемъ къ владѣнію ею. Всякій желающій, при соблюденіи извѣстныхъ условій, изъ которыхъ главное должно бы состоять въ согласіи собственника мірской земли—міра, долженъ бы имѣть возможность сдѣлаться владѣльцемъ надѣльной земли или перестать имъ быть. Владѣніе мірской землей только обязывало бы владѣльцевъ ея подчиняться извѣстнымъ спеціальнымъ нормамъ права о мірскомъ землевладѣніи; во всемъ же остальномъ права ихъ могли бы ни въ чемъ не отличаться отъ правъ безсословныхъ лицъ, быть тождественны съ ними.

Итакъ, какъ уже было сказано, спеціальное законодательство о крестьянахъ могло бы быть замѣнено гражданскимъ кодексомъ о мірскомъ землевладѣніи, объектомъ котораго была бы мірская или надѣльная земля, а субъектомъ—владѣльцы мірской землей, кто бы они по своему званію или происхожденію ни были, и лишь на то время, пока они ею владѣютъ.

Такое особое гражданское право, отличающееся предметнымъ признакомъ—право о мірскомъ землевладѣніи—не представляло бы ничего исключительнаго или небывалаго. Гражданскіе законы Россіи далеко не едино-

образны. Въ нашемъ гражданскомъ кодексѣ можно найти мѣстные законы— для Привислинскаго края, для Остзейскихъ губерній, для Финляндіи, для Бессарабіи, для Черниговской и Полтавской губ. и др.; можно найти особенные законы — церковные, о торговлѣ, промышленности и ремеслахъ, спеціальные законы—о заповѣдныхъ, майоратныхъ и родовыхъ имѣніяхъ и т. д. Особое положеніе о мірскомъ землевладѣніи также могло бы быть спеціальнымъ законодательствомъ: оно только, можетъ быть, нѣсколько глубже проникало бы въ частныя правоотношенія людей, чѣмъ иные спеціальные законы, затрогивая какъ вещныя права владѣльцевъ мірской земли, такъ и семейныя, обязательственныя и наслѣдственныя права ихъ.

Сосуществованіе въ деревнѣ двухъ видовъ землевладѣнія, — землевладѣнія мірского и землевладѣнія на правѣ частной собственности,—также едва ли могло бы встрѣтить какія-либо существенныя неудобства, особенно если бы условія перехода отъ одного вида землевладѣнія къ другому были ясно опредѣлены и облегчены. Кто знаетъ? При другихъ условіяхъ, если когда нибудь владѣніе надѣльной землей не будетъ связано съ тѣми невыгодами и ограниченіями правъ, съ которыми оно связано теперь,—можетъ быть наиболѣе цѣлесообразной формой землевладѣнія окажется не личное, а именно мірское, коллективное землевладѣніе.

Въ частности, въ чемъ именно могла бы состоять реформа законовъ, опредѣляющихъ составъ крестьянскаго сословія, видно изъ предыдущаго.

По существующимъ законамъ о состояніяхъ крестьяне составляютъ особое сословіе «сельскихъ обывателей», въ которое не имѣютъ права входить лица привилегированныхъ сословій, но изъ котораго съ отказомъ отъ невыкупленнаго надѣла обязаны выходить лица, получившія другое званіе или право на переходъ въ привилегированное сословіе. Если бы права лицъ, принадлежащихъ въ настоящее время къ сословію «сельскихъ обывателей», были уравнены съ правами безсословныхъ людей и крестьяне слились бы съ послѣдними, то тогда не было бы надобности въ какихъ-либо законахъ, опредѣляющихъ переходъ изъ сословія «сельскихъ обывателей» въ разрядъ безсословныхъ лицъ и наоборотъ. Но вмѣстѣ съ симъ положеніе «о мірскомъ землевладѣніи» должно бы опредѣлять условія, на которыхъ могло бы быть пріобрѣтаемо право участія въ мірскомъ землевладѣніи и на которыхъ это право могло бы быть отчуждаемо, т.-е. условія вступленія и выхода изъ земельныхъ общинъ. Нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы такія правила затрудняли возможность пріобрѣтенія или отчужденія правъ на мірскую землю. Право распоряженія надѣломъ какъ право имущественное, должно быть доступно всѣмъ и свободно: но какъ право владѣнія, а не собственности, оно ограничено собственникомъ мірской земли—земельной общиной или міромъ; поэтому право на участіе во владѣніи мірской землей могло бы быть предметомъ купли, продажи, залога, долгосрочной аренды и т. д. лишь съ согласія міра.

Владѣльцы же надѣльной земли (подлежа общимъ законамъ Имперіи, въ томъ числѣ гражданскимъ, во всемъ томъ, что не касается мірской

земли) должны бы только подлежать тѣмъ спеціальнымъ установленіямъ общероссійскимъ и мѣстнымъ (великорусскимъ, малорусскимъ, литовскимъ, бессарабскимъ и пр.), которыя относятся къ мірской землѣ, а также уставамъ общинъ, если таковые выработаны, и приговорамъ общинъ, законно составленнымъ. Но владѣніе мірской землей не должно бы служить препятствіемъ для полноправности ея владѣльцевъ и не должно бы препятствовать ни достиженію образовательнаго ценза, ни какого бы то ни было званія,—вообще не должно бы служить причиной для ограниченія какихъ бы то ни было правъ; наоборотъ, ни образовательный цензъ, ни служба, ни родъ занятій, ни званіе не должно бы никого лишать права участія во владѣніи мірской землей.

Тогда слово «крестьянинъ», очевидно, получило бы другое значеніе: или оно могло бы означать званіе лицъ, рожденныхъ въ крестьянскомъ сословіи, оставшееся за тѣми, кому оно присвоено и въ настоящее время, или же крестьянами могли бы называться только владѣльцы надѣльной земли, кто бы они по своему званію, происхожденію или образовательному цензу ни были, и лишь на то время, пока они владѣютъ надѣльной землей.

Въ первомъ случаѣ званіе крестьянина не должно бы быть соединено ни съ какими-либо правами, ни съ какими-либо ограниченіями правъ и не зависѣло бы отъ того, владѣетъ ли данное лицо мірской землей или нѣтъ, и тогда владѣльцамъ мірской землей—членамъ земельныхъ общинъ должно бы быть присвоено какое-либо другое особое названіе, напримѣръ, мірскихъ землевладѣльцевъ. Во второмъ же случаѣ, т.-е. если бы крестьянами назывались владѣльцы мірской земли, то крестьянами могли бы сдѣлаться или перестать ими быть лица всякихъ званій и всякаго происхожденія, въ зависимости только отъ того, владѣютъ ли они мірской землей, или нѣтъ.

Но какъ бы ни назывались владѣльцы мірской землей—мірскими землевладѣльцами, крестьянами или иначе, ихъ едва ли можно было бы назвать сословіемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; они могли бы называться сословіемъ лишь въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы говоримъ—сословіе ремесленниковъ или сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, врачей и т. п.

Взгляды на крестьянскій вопросъ, весьма близкіе къ вышеизложеннымъ, были высказаны во многихъ комитетахъ о сельско-хозяйственной промышленности. Между прочимъ вопросъ о совмѣстимости равноправности крестьянъ съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ особенностей ихъ гражданскаго устройства, былъ поставленъ въ елецкомъ комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, въ докладѣ юридической коммиссіи комитета [1]). Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ формулированъ въ слѣдующихъ словахъ: «Необхо-

---

[1]) Схема этого доклада, напечатаннаго въ *Саратовской Земской Недѣлѣ* 1903 г. № 5, была предложена елецкому комитету мною.

димо имѣть въ виду, что въ сферѣ имущественныхъ правоотношеній возможна нѣкоторая обособленность (?) крестьянъ при условіи полной равноправности ихъ съ другими сословіями, причемъ равноправность должна быть понимаема не въ смыслѣ тождественности правъ, а въ смыслѣ ихъ равноцѣнности. Въ этой именно области допустимо существованіе исключительныхъ законовъ и примѣненіе юридическихъ обычаевъ при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы сфера примѣненія закона и обычая была строго установлена закономъ, который долженъ опредѣлить и способъ констатированій существованія обычая для каждаго даннаго случая. Обычаемъ должны регулироваться лишь тѣ правоотношенія, которыя вытекаютъ изъ владѣнія земельнымъ надѣломъ; все же стоящее внѣ надѣла, по мнѣнію коммиссіи, должно бы подлежать регламентаціи закона. Въ отношеніи же къ надѣльной землѣ обычное право не можетъ быть нарушаемо по соображеніямъ цѣлесообразности и справедливости. Нельзя, наприм., обществу, владѣющему землею на общинныхъ началахъ, предписать переходъ къ подворному землевладѣнію. Возможно лишь извѣстное регулированіе порядка владѣнія землею».

Перечисливъ правовыя условія, тормозящія развитіе крестьянскаго благосостоянія, коммиссія приходитъ къ слѣдующимъ пожеланіямъ:

«1) Крестьяне должны быть уравнены въ гражданскихъ правахъ съ прочими сословіями; 2) никакимъ спеціальнымъ ограниченіямъ личности крестьяне подлежать не должны; 3) владѣніе надѣльною землею, являясь особою формою земельной собственности, не должно ограничивать личности владѣльца, и 4) надѣльною землею могутъ пользоваться и лица не крестьянскаго сословія, подчиняясь тому же гражданскому правопорядку».

Такимъ образомъ елецкій комитетъ пришелъ къ необходимости сліянія крестьянъ съ прочими сословіями, но находитъ необходимымъ сохранить особый правопорядокъ для владѣнія надѣльной землей. Къ сожалѣнію, вопросъ о составѣ крестьянскаго сословія въ докладѣ коммиссіи остался неяснымъ.

Въ своей статьѣ «Обособленность и равноправность крестьянъ» г. Страховскій также приходитъ къ заключенію, что обособленное и неравноправное положеніе крестьянъ есть зло, и находятъ, что «едва ли не единственно правильное разрѣшеніе сложнаго крестьянскаго вопроса заключается въ упраздненіи этого вопроса, т.-е. въ уничтоженіи тѣхъ особенностей законодательства и административной практики, которыя создаютъ въ строѣ государственной жизни — особое крестьянское сословіе, въ сферѣ законодательной — спеціальное законодательство о крестьянахъ и въ области задачъ государственной власти—крестьянскій вопросъ».

Затѣмъ г. Страховскій высказываетъ мнѣніе, что съ институтомъ земельной общины нельзя не считаться, какъ съ существующимъ фактомъ, и находитъ желательнымъ изданіе общиннаго устава. Однако, г. Страховскій не упоминаетъ о томъ, совмѣстимо ли сохраненіе института земельной общины съ упраздненіемъ крестьянскаго вопроса. Если бы крестьянскій

вопросъ былъ упраздненъ и крестьяне уже не были сословіемъ, то кто же долженъ руководствоваться общиннымъ уставомъ? Затѣмъ, такъ какъ институтъ земельной общины не исчерпываетъ всѣхъ особенностей крестьянскаго землевладѣнія, какъ же быть съ участковымъ землевладѣніемъ, а при общинномъ землевладѣніи—съ владѣніемъ усадьбами (находящимися въ наслѣдственномъ пользованіи двора), вообще какъ же быть съ мірскимъ землевладѣніемъ?

Я счелъ бы задачу настоящей статьи выполненной, если бы высказанныя мною мнѣнія помогли выясненію въ частности этихъ вопросовъ, а въ общемъ—вопроса о томъ, какъ согласовать два повидимому противорѣчивыхъ положенія: необходимость уравненія въ правахъ и сліянія крестьянъ съ прочими сословіями—съ невозможностью подвести юридическій строй крестьянской жизни подъ общую мѣрку нашихъ гражданскихъ законовъ.

XII.

Краткое повтореніе предыдущаго. Desiderata.

Въ заключеніе я вкратцѣ повторю сказанное, а также намѣчу нѣкоторыя desiderata по реформѣ крестьянскихъ законовъ, естественно вытекающія изъ высказанныхъ выше соображеній.

Крестьянскій вопросъ есть прежде всего вопросъ юридическій,—такъ какъ ничѣмъ инымъ, какъ особымъ для нихъ законодательствомъ, крестьяне отъ прочаго населенія не отличаются. Крестьянскій вопросъ долженъ быть изучаемъ въ полномъ объемѣ, и нельзя его сводить на частный вопросъ,—быть или не быть общинѣ? Причина неравноправнаго и обособленнаго положенія крестьянъ заключается не въ общинѣ, а въ рядѣ другихъ постановленій, не имѣющихъ отношенія къ общинѣ или находящихся только въ кажущейся зависимости отъ нея.

Основныя причины возникновенія спеціальнаго законодательства о крестьянахъ, состоящія въ обособленіи ихъ въ низшее, бывшее податное, сословіе, въ настоящее время утратили свое первоначальное значеніе.

Одинъ изъ первыхъ вопросовъ, представляющихся при изученіи правового положенія крестьянъ, есть вопросъ о томъ, кто такіе крестьяне? т.-е. вопросъ о составѣ крестьянскаго сословія. Для опредѣленія состава крестьянскаго сословія необходимо знать, кто въ него входитъ, кто изъ него выходитъ, кто въ немъ остается. Изъ относящихся сюда статей закона и изъ дѣйствія ихъ въ жизни можно видѣть, что крестьянское сословіе мало пополняется людьми другихъ сословій, но что изъ крестьянства легко выходятъ съ обязательнымъ отказомъ отъ своихъ невыкупленныхъ надѣловъ (и съ трудомъ сохраняя выкупленные надѣлы) наиболѣе сильные и культурные элементы его; выходятъ добровольно люди разбогатѣвшіе, для которыхъ потеря надѣла легко искупается выгодами выхода изъ низшаго сословія; выходятъ по необходимости—люди получившіе образовательный цензъ, поступающіе на государственную службу, вступившіе

въ духовное званіе, вообще получившіе привилегированное положеніе. Такимъ образомъ отъ крестьянства искусственно отсортировываются верхніе слои его, въ немъ же остаются люди малоимущіе и малокультурные.

Если признать такое положеніе дѣлъ ненормальнымъ и нежелательнымъ, то выходъ изъ него можетъ быть двоякій: или полная замкнутость крестьянскаго сословія (подобная положенію прежнихъ западно-европейскихъ сословій), или же не только установленіе равноправности, но и сліяніе крестьянъ съ прочимъ населеніемъ Россіи.

То, что будущія преобразованія законовъ о крестьянахъ должны пойти по второму пути, есть историческая необходимость и опредѣленно высказано общественнымъ мнѣніемъ. Реформы Александра II до основанія расшатали ту глухую перегородку, которой крестьяне были отдѣлены отъ прочихъ сословій, и сквозь которую съ тѣхъ поръ просачиваются самые жизненные соки крестьянства; приходитъ время—снять ее совсѣмъ.

Права крестьянъ могли бы быть уравнены съ правами такихъ безсословныхъ, но сравнительно полноправныхъ лицъ, каковыми въ настоящее время являются почетные граждане [1]). Однако установленіе равноправности съ ними крестьянъ цѣною разрушенія своеобразнаго гражданскаго устройства ихъ, дѣйствующаго на мѣстахъ ихъ осѣдлости и связаннаго съ особымъ способомъ ихъ землевладѣнія, нельзя признать желательнымъ. Такая мѣра произвела бы насильственную ломку всей крестьянской жизни.-

Но равноправность слѣдуетъ понимать не только въ смыслѣ тождественности правъ, но и въ смыслѣ ихъ равноцѣнности. Нѣкоторыя частныя права крестьянъ могли бы опредѣляться спеціальными постановленіями при томъ условіи, чтобы такія спеціальныя права были равноцѣнны съ правами, предоставленными общими законами. Во всемъ остальномъ права крестьянъ могли бы быть тождественны съ послѣдними.

Такимъ путемъ крестьяне были бы равноправны съ безсословными людьми; но такъ какъ лица, принадлежащія къ сословію «сельскихъ обывателей», всетаки отличались бы отъ прочаго населенія Россіи особыми (хотя бы и равноцѣнными съ нимъ) правами, то они остались бы обособленнымъ сословіемъ. Всякая же обособленность низшихъ классовъ уже несетъ въ себѣ элементы неравенства.

Сословная обособленность крестьянъ могла бы быть разрушена, и крестьяне могли бы слиться съ безсословными людьми, если бы особенности ихъ гражданскаго устройства, основаннаго на своеобразныхъ формахъ ихъ землевладѣнія, составили спеціальное гражданское право, отличающееся не личнымъ признакомъ (сословностью), а предметнымъ признакомъ (мір-

---

[1]) Я не касался въ настоящей статьѣ теоретическаго вопроса о пользѣ или вредѣ сословности въ государственномъ строѣ, хотя отношеніе мое къ этому вопросу ясно изъ всего сказаннаго. Замѣчу только, что въ Россіи раздѣленіе на сословія основано не столько на томъ, что высшія сословія имѣютъ особыя права или привилегіи (какъ напр. въ Англіи), сколько на томъ, что низшія сословія ограничены въ своихъ правахъ.

скимъ землевладѣніемъ), т.-е. если бы владѣніе мірской землей не обусловливало никакихъ ограниченій правъ ея владѣльцевъ, а только обязывало ихъ подчиняться нѣкоторымъ спеціальнымъ постановленіямъ о мірскомъ землевладѣніи; право же на владѣніе мірской землей не только принадлежало лицамъ, рожденнымъ «сельскими обывателями», но, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, было бы доступно всякому желающему.

Съ такой точки зрѣнія задача крестьянской реформы свелась бы къ замѣнѣ законовъ о крестьянахъ законами «о мірскомъ землевладѣніи» и слѣдовательно была бы поставлена въ болѣе тѣсныя, но опредѣленныя рамки.

Отсюда же естественно вытекаетъ отвѣтъ на вопросъ о составѣ крестьянскаго сословія. Не сословность, а владѣніе мірской землей должно бы служить причиной дѣйствія извѣстныхъ спеціальныхъ законовъ; слѣдовательно не лица, принадлежащія къ сословію «сельскихъ обывателей», а владѣльцы мірской земли, кто бы они по рожденію ни были и какого бы они ни были званія, должны бы служить субъектомъ тѣхъ спеціальныхъ правъ, которыя опредѣлялись бы законами «о мірскомъ землевладѣніи».

Изъ признанія, что неравноправное и обособленное положеніе крестьянъ есть зло, но что нѣкоторыя формы крестьянской жизни имѣютъ право на существованіе и дальнѣйшее развитіе, и законъ долженъ признать ихъ, слѣдуетъ: во-первыхъ, что права крестьянъ должны быть уравнены съ правами сравнительно полноправныхъ съ ними безсословныхъ лицъ такъ, чтобы крестьяне слились съ ними, и во-вторыхъ, что своеобразныя правовыя особенности, связанныя съ крестьянскимъ землевладѣніемъ, должны быть санкціонированы закономъ и должны бы образовать особый гражданскій кодексъ о мірской землѣ. Соотвѣтственно можно намѣтить два ряда желательныхъ мѣропріятій: во-первыхъ, мѣропріятія, цѣль которыхъ состояла бы въ распространеніи на тѣхъ лицъ, которыя въ настоящее время принадлежатъ къ сословію сельскихъ обывателей, общихъ законовъ и въ отмѣнѣ всѣхъ тѣхъ постановленій, которыя обусловливаютъ ихъ неравноправность, и, во-вторыхъ, мѣропріятія, цѣль которыхъ состояла бы въ измѣненіи существующихъ постановленій о гражданскомъ устройствѣ крестьянъ и созданіи новаго положенія о мірскомъ землевладѣніи.

I. Напомню въ самыхъ общихъ чертахъ, въ чемъ по существующимъ законамъ какъ публичныя, такъ и частныя права крестьянъ ограничены сравнительно съ тѣми же правами прочихъ сословій, въ частности безсословныхъ лицъ—почетныхъ гражданъ, и въ чемъ, съ принятой мною точки зрѣнія, могло бы состоять ихъ преобразованіе.

Законы о припискѣ, о перечисленіи и увольненіи стѣсняютъ свободу крестьянъ въ выборѣ осѣдлости и рода занятій. Законы о паспортахъ затрудняютъ крестьянамъ свободу передвиженія. Права крестьянъ на образованіе ограничены, такъ какъ при окончаніи курса среднихъ и высшихъ училищъ, какъ мы видѣли, крестьяне обязаны увольняться изъ сельскихъ

обществъ и отказываться отъ своихъ надѣловъ [1]). Крестьяне недостаточно представлены въ общественномъ управленіи,—въ земствѣ и городахъ.

На крестьянъ возложена вся тяжесть повинностей—по мѣстному управленію (мірской и волостной), этапной, дорожной, общественнаго призрѣнія, продовольственной, по отводу квартиръ должностнымъ лицамъ, по снаряженію подводъ, пожарной и друг. повинностей, удовлетворяющихъ главнымъ образомъ потребностямъ государства или всего населенія данной мѣстности, а не только крестьянъ.

Гражданскія права крестьянъ не только по отношенію къ мірскому землевладѣнію, но и въ правоотношеніяхъ крестьянъ, несвязанныхъ съ мірскимъ землевладѣніемъ, во многихъ случаяхъ отличаются отъ общегражданскихъ правъ, опредѣляемыхъ законами.

Крестьяне подлежатъ вѣдѣнію особой администраціи—земскимъ начальникамъ (а также уѣздному съѣзду и губернскому присутствію), имѣющимъ общее неопредѣленное право опеки и попечительства надъ ними и право наказыванія ихъ безъ суда въ административномъ порядкѣ.

Крестьяне имѣютъ право самоуправленія, органами котораго служатъ волостныя правленія и сельскія общества. Эти органы, содержимые исключительно на счетъ крестьянъ, являются административно-фискальными учрежденіями, подчиненными общей уѣздной и губернской администраціи и удовлетворяющими потребностямъ не столько крестьянскимъ, сколько общегосударственнымъ. Ими вѣдаются весьма разнообразныя въ юридическомъ смыслѣ дѣла — административныя, судебныя, нотаріальныя и др.; производство этихъ дѣлъ неправильно и въ большой мѣрѣ подвержено произволу. Сельскому обществу между прочимъ предоставлено право передавать своихъ членовъ въ распоряженіе правительства для поселенія въ Сибири. Выборные крестьянскаго самоуправленія, получая обыкновенно нищенское содержаніе, не имѣютъ права отказаться отъ своей службы и въ то же время могутъ по простому усмотрѣнію уѣзднаго начальства быть оштрафованы, арестованы или уволены. Вообще право крестьянскаго самоуправленія, имѣя характеръ повинности, есть въ большинствѣ случаевъ jus odiosum; крестьянскія деньги и трудъ тратятся на общегосударственную плохую администрацію [2]).

Крестьяне въ мелкихъ дѣлахъ подлежатъ особому сословному крестьянскому суду—волостному суду, судопроизводство котораго первобытно и почти не регулировано закономъ. Волостные судьи подлежатъ дисциплинарнымъ наказаніямъ, налагаемымъ земскими начальниками. По граждан-

---

[1]) Достиженіе образованія менѣе доступно крестьянамъ, чѣмъ прочимъ сословіямъ также потому, что согласно циркулярамъ минист. народ. просв. (напримѣръ, извѣстному циркуляру гр. Делянова) пріемъ дѣтей податныхъ сословій въ гимназію ограниченъ, что открытіе частныхъ училищъ затруднено, что существуетъ особая цензура для книгъ, допускаемыхъ въ училища и народныя библіотеки, и т. д.

[2]) На содержаніе волостныхъ учрежденій въ 47 губерніяхъ тратится по вычисленію И. Страховскаго, не менѣе 17 милліоновъ въ годъ.

скимъ дѣламъ волостному суду предоставлено руководствоваться мѣстными обычаями, однако закономъ точно не опредѣлено, въ какихъ именно случаяхъ; законъ также не указываетъ, какимъ образомъ обычай долженъ быть опредѣляемъ. По уголовнымъ дѣламъ волостной судъ налагаетъ наказанія по видоизмѣненному для этого суда уставу о наказаніяхъ, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ налагаетъ наказанія въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ общіе суды (напримѣръ, арестъ за кражу вмѣсто тюрьмы), но въ другихъ случаяхъ болѣе строгія наказанія, какъ, наприм., арестъ на хлѣбѣ и водѣ и тѣлесное наказаніе [1]). Кромѣ того волостной судъ налагаетъ наказанія за проступки, не наказуемые общими судами, какъ, наприм., мотовство и пьянство, влекущія за собой разореніе хозяйства, и неисполненіе словеснаго договора о наймѣ. Апелляціонной инстанціей волостного суда служитъ уѣздный съѣздъ, состоящій преимущественно изъ лицъ, принадлежащихъ ex officio къ дворянскому сословію, но въ который не входятъ крестьяне.

Если признать, что крестьяне должны быть равноправны съ безсословными людьми—почетными гражданами—и слиться съ ними, то какъ публичныя, такъ и частныя права крестьянъ не должны бы ни въ чемъ отличаться отъ таковыхъ же правъ безсословныхъ лицъ.

Крестьянамъ должны бы быть предоставлены одинаковыя съ безсословными людьми: права свободнаго передвиженія и свободнаго выбора мѣста осѣдлости и рода занятій, права на образованіе и государственную службу, на участіе въ органахъ самоуправленія [2]) и т. д.

Общегосударственныя повинности, возложенныя въ настоящее время на крестьянъ, должны бы въ равной мѣрѣ отбываться всѣмъ населеніемъ данной мѣстности (исключая сборовъ на хозяйственныя надобности земельныхъ общинъ).

Гражданскія права крестьянъ должны бы опредѣляться тѣми же законами, что и права остального населенія Россіи; только крестьяне, владѣющіе мірской землей (такъ же, какъ и лица другихъ сословій) должны бы по отношенію къ этой землѣ подлежать особымъ нормамъ права. Права крестьянъ на пріобрѣтеніе, продажу и аренду внѣнадѣльныхъ имуществъ, вообще на распоряженіе ими, а также семейныя, обязательственныя и наслѣдственныя права крестьянъ относительно внѣнадѣльныхъ имуществъ должны бы опредѣляться общими законами; глава семьи не долженъ бы имѣть право лишать совершеннолѣтнихъ членовъ семьи свободы передвиженія, крестьяне должны бы имѣть право обязываться по векселямъ и т. д.

---

[1]) По Высочайшему Манифесту 11-го автуста 1904 г. тѣлесное наказаніе отмѣнено.

[2]) Разъ цензомъ для земскихъ выборщиковъ служитъ извѣстное количество земли, то казалось бы справедливымъ, чтобы всѣ земельныя общины, владѣющія количествомъ земли, достаточнымъ для ценза, являлись земскими выборщиками черезъ своихъ представителей; мелкія же общества, владѣющія меньшимъ противъ ценза количествомъ земли, могли бы соединяться вмѣстѣ, подобно мелкимъ землевладѣльцамъ.

Органы администраціи не должны бы быть облечены особой властью по отношенію къ крестьянамъ. Крестьяне такъ же, какъ и лица прочихъ сословій, не должны бы подвергаться наказаніямъ, налагаемымъ въ административномъ порядкѣ.

Спеціально-крестьянскія администрація и полиція должны бы быть замѣнены общей администраціей и полиціей. Служба должностныхъ лицъ должна бы быть добровольной и всякій долженъ бы имѣть право отъ нея отказаться. Мѣстныя учрежденія должны бы быть общими для всѣхъ жителей даннаго района; такъ, наприм., волостное управленіе (или иная административная единица) должно бы быть безсословнымъ; обложеніе на содержаніе мѣстныхъ учрежденій должно бы въ равной мѣрѣ относиться ко всѣмъ жителямъ даннаго района. Сельское общество, какъ фискально-административное учрежденіе (но не земельная община) должно бы быть упразднено, и слѣдовательно права міра, дающія ему власть надъ личностями его членовъ—право передачи въ распоряженіе правительства, право запрещенія увольненія или отлучки изъ мѣста осѣдлости по паспорту и т. д. должны бы быть отмѣнены. Если оказалось бы, что волость есть недостаточно мелкая единица управленія, то волость могла бы быть подраздѣлена на болѣе мелкіе районы [1]).

Крестьяне должны бы подлежать общимъ судамъ, равнымъ для всѣхъ. Низшій судъ также долженъ бы быть равнымъ для всѣхъ и безсословнымъ; онъ долженъ бы входить въ общую систему судебныхъ учрежденій. По уголовнымъ дѣламъ крестьяне должны бы подлежать тѣмъ же наказаніямъ, что и остальное населеніе. Только въ гражданскихъ дѣлахъ, относящихся къ мірскому землевладѣнію, судъ долженъ бы руководствоваться особыми нормами права; для этого, можетъ быть, потребовалось бы участіе на судѣ лицъ, знакомыхъ съ условіями мірского землевладѣнія въ видѣ экспертовъ или шеффеновъ.

II. Второй рядъ мѣропріятій, относящихся къ общей задачѣ крестьянской реформы, долженъ бы съ высказанной мною точки зрѣнія состоять въ созданіи кодекса о мірскомъ землевладѣніи.

Въ настоящее время имущественныя права крестьянъ, относящіяся къ мірскому землевладѣнію, опредѣляются спеціальными постановленіями, помѣщенными въ разныхъ отдѣлахъ Особаго Приложенія къ т. IX св. з. Эти постановленія тѣсно связаны и смѣшаны съ многочисленными правилами, опредѣляющими административно-фискальныя функціи сельскихъ обществъ, которыя послѣ отмѣны подушной подати, пониженія и частичной выплаты выкупныхъ платежей «остались на воздухѣ», по выраженію г. Страховскаго, т.-е. уже не нужны.

Крестьяне владѣютъ землей, имъ отведенной въ надѣлъ не на правѣ

---

[1]) Одинъ изъ типовъ организаціи мѣстнаго управленія намѣченъ у г. Страховскаго („Крестьянскія права и учрежденія“). См. также сборникъ „Мелкая Земская Единица“, изд. кн. Долгорукова и кн. Шаховскаго.

частной собственности, а на особыхъ правахъ. Собственниками надѣльныхъ земель являются общины, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ Великороссіи, община или міръ, имѣетъ широкое право распоряженія своей землей, въ другихъ же мѣстностяхъ, какъ въ Малороссіи и Западномъ краѣ, это право ограничено и въ большей мѣрѣ, если не вполнѣ, предоставлено домохозяевамъ—членамъ общинъ. Нѣкоторыя правила, внесенныя сюда законодательствомъ, въ особенности законами 1888 г. о раздѣлахъ и 3 іюня 1893 г. о передѣлахъ, не соотвѣтствуютъ существующимъ обычаямъ, и поэтому или искусственно подчиняютъ правоотношенія крестьянъ чуждымъ имъ нормамъ, или же не исполняются.

Права земельной общины смѣшаны съ правами сельскаго общества, съ которымъ земельная община далеко не всегда совпадаетъ, которое имѣетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ большую власть надъ своими членами, но которое лишено нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ. Между тѣмъ сельское общество есть учрежденіе, сложившееся отчасти въ цѣляхъ фискальныхъ, отчасти административныхъ, земельная же община, какъ извѣстная форма землевладѣнія и землепользованія, есть институтъ гражданскаго права.

Относительно мірского землевладѣнія крестьянамъ предоставлена широкая возможность примѣненія обычнаго права. Однако законъ точно не указываетъ, въ какихъ именно случаяхъ долженъ быть примѣняемъ обычай, въ какихъ случаяхъ—законъ; не указывается также, какимъ образомъ обычай долженъ быть въ каждомъ данномъ случаѣ устанавливаемъ.

Долгъ государству, лежащій на мірской землѣ—выкупная ссуда—взыскивается особымъ порядкомъ,—путемъ продажи движимости неплательщиковъ, отнятія отъ нихъ надѣла [1]) или наложенія взысканій на представителей общинъ—старостъ или сборщиковъ.

Въ выработкѣ особаго законодательства о мірскомъ землевладѣніи заключается положительная и творческая задача будущихъ преобразованій крестьянскихъ законовъ. Такое спеціальное законодательство могло бы образоваться, во-первыхъ, посредствомъ коренного пересмотра существующихъ законовъ о крестьянскомъ землевладѣніи и, во-вторыхъ, посредствомъ осторожной кодификаціи дѣйствующихъ нормъ обычнаго права.

Первымъ условіемъ такой законодательной работы должно бы служить правило, принятое извѣстнымъ составителемъ черногорскаго гражданскаго кодекса Богишичемъ. По мнѣнію Богишича, народъ не можетъ уважать законы, не отвѣчающіе его потребностямъ. Законъ, налагаемый насильно, будь онъ основанъ на самыхъ благородныхъ мотивахъ, встрѣчается съ сильнѣйшимъ отвращеніемъ, и ассимиляція между такимъ закономъ и обычаемъ невозможна: судьи, желая избѣгнуть затрудненія, почти всегда стараются не примѣнять обычай, народъ же, наоборотъ, его держится. По-

---

[1]) Ст. 33 Общ. Пол. (Особ. прил. изд. 1902 г.).

этому законодателю слѣдуетъ не навязывать народу правила, ему чуждыя, а только осторожно фиксировать нормы права, уже выработанныя жизнью, не ставя препятствій ихъ свободному развитію.

Затѣмъ, вслѣдствіе разнородности населенія Россіи и разнообразія его обычаевъ, законодательство о мірскомъ землевладѣніи не можетъ быть однообразно. Впрочемъ, разнообразіе обычаевъ не слѣдуетъ преувеличивать; въ общихъ чертахъ обычаи одни и тѣ же для большихъ районовъ (Великороссіи, Малороссіи, Литвы, Бессарабіи и т. д.).

Разрѣшеніе вопроса о томъ, кѣмъ именно и какими способами могло бы быть выработано законодательство о мірскомъ землевладѣніи, зависитъ, конечно, отъ общаго теченія нашей государственной жизни; только изъ необходимости согласованія закона съ обычаемъ слѣдуетъ, что чѣмъ большее участіе примутъ въ этой работѣ мѣстные люди, знающіе обычаи и жизнь деревни, тѣмъ цѣлесообразнѣе она будетъ выполнена.

Уже въ настоящее время въ литературѣ и въ трудахъ нѣкоторыхъ коммиссій накопился нѣкоторый матеріалъ для кодификаціи основныхъ положеній о мірскомъ землевладѣніи. Если же равноправность крестьянъ была бы установлена закономъ, то дальнѣйшія работы въ этомъ направленіи были бы значительно облегчены, такъ какъ свободное развитіе гражданскихъ формъ, сложившихся въ жизни крестьянъ, больше всего задерживается ограниченіями ихъ правъ.

Слѣдующія ближайшія задачи, относящіяся къ выработкѣ спеціальнаго законодательства о мірскомъ землевладѣніи, могли бы быть намѣчены: точное разграниченіе сферы примѣненія спеціальныхъ нормъ о мірскомъ землевладѣніи отъ сферы примѣненія общихъ гражданскихъ законовъ; точное разграниченіе тѣхъ случаевъ, когда долженъ примѣняться законъ, и тѣхъ случаевъ, когда могли бы еще примѣняться нормы обычнаго права; опредѣленіе, въ какихъ случаяхъ и какимъ образомъ обычай долженъ быть устанавливаемъ; условія перехода отъ мірского землевладѣнія къ частному и условія обратнаго перехода; условія пріобрѣтенія права на владѣніе мірской землей и условія утраты этого права (путемъ купли-продажи, отчужденія, даренія и т. д.); опредѣленіе правъ распоряженія, пользованія, вообще владѣнія мірской землей, заключенія относительно ея договоровъ, передачи ея по наслѣдству; опредѣленіе семейно-имущественныхъ правъ—взаимныхъ правъ членовъ семьи по отношенію къ мірской землѣ; пересмотръ существующихъ законовъ о раздѣлахъ и передѣлахъ, не соотвѣтствующихъ обычаю и потребностямъ крестьянъ; опредѣленіе гражданскихъ правъ міра — земельной общины, какъ юридическаго лица, собственника мірской земли, независимо отъ административной единицы—сельскаго общества; опредѣленіе юридическихъ отношеній общины къ внѣшнему міру и къ ея членамъ и отношеній ея членовъ между собой; пересмотръ правилъ о взысканіи долговъ, лежащихъ на мірской землѣ съ тѣмъ, чтобы взысканія этихъ долговъ не производились особымъ поряд-

комъ—посредствомъ задержанія личности и тому подобными способами, а общимъ порядкомъ взысканія земельныхъ долговъ [1]).

Ограничусь сказаннымъ, такъ какъ болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса о мірскомъ землевладѣніи завело бы насъ слишкомъ далеко.

Въ только что появившейся статьѣ Леонтьева [2]) «Крестьянское право въ проектѣ гражданскаго уложенія», авторъ, находя, что коммиссія по проекту гражданскаго уложенія отнеслась къ крестьянскому праву, какъ къ пасынку, приводитъ слѣдующія слова кн. А. Оболенскаго изъ его статьи «Основныя причины крестьянскаго нестроенія» [3]).

«Великая и широкая задача предстоитъ нашему поколѣнію, а можетъ быть также и будущимъ,—работа трудная и тяжелая—устроеніе частнаго быта освобожденныхъ крестьянъ на основаніи положительнаго закона».

Присоединимся же къ тому пожеланію, которымъ затѣмъ г. Леонтьевъ заканчиваетъ свою статью: «чтобы совокупныя усилія современныхъ юристовъ, помнящихъ свой долгъ передъ народомъ, приблизили наступленіе того дня, когда русскій народъ получитъ въ области гражданскаго права свою «русскую правду».

---

[1]) Какъ радикальное средство противъ всѣхъ фискальныхъ невзгодъ, испытываемыхъ крестьянами, можно пожелать прежде всего сложенія съ нихъ выкупныхъ платежей.

[2]) *Право*, 1904 г., № 12—14.

[3]) *Русскій Вѣстникъ*, іюль 1894 г.

ПРИБАВЛЕНІЕ I.

Ст. 671 т. IX Св. Зак.

Въ примѣчаніи къ ст. 700 Зак. о Сост., изд. 1876 г., которой соотвѣтствуетъ ст. 671 изд. 1899 г., перечислены отдѣльные разряды сельскаго населенія, образовавшіе состояніе сельскихъ обывателей. Эта статья была изложена въ слѣд. редакціи:

Т. IX Св. Зак. 700. Къ состоянію сельскихъ обывателей принадлежатъ: 1) крестьяне и поселяне собственники; 2) крестьяне временно-обязанные.

Примѣчаніе 1. Въ состояніе сельскихъ обывателей, указанныхъ въ сей (700) статьѣ, вошли: водворенные на земляхъ государственныхъ, государевыхъ, дворцовыхъ, удѣльныхъ, владѣльческихъ и собственныхъ, однодворцы, однодворцы Западныхъ губерній, изъ бывшей шляхты въ сіе званіе переименованные, однодворцы бывшей Бессарабской области, изъ Мазыловъ и Рупташей въ сіе званіе переименованные, бѣлопашцы въ селѣ Коробовѣ, Костромской губерніи, обѣльные вотчинники и крестьяне въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ, иностранные выходцы въ Бессарабской губ., именуемые Рупта--де-Вистерія и Рупта-де-Камара, колонисты и поселяне собственники (бывшіе колонисты), малороссійскіе казаки, половники въ Вологодской губ., царане въ Бессарабской губ., татары, поселенные въ Таврической губ., башкиры вообще, а также бывшіе: ямщики, инородцы, извѣстные подъ именемъ татаръ, вотяковъ, мордвы, чувашъ, черемисъ и т. д., воинскіе поселяне, панцырные бояре, пашенные прежнихъ службъ, копейщики, рейтары, драгуны, казаки и казачьи подсусѣдки, затинщики, разсыльщики, кречетные и сокольи помытчики, бобровники, пташники, стрѣлки, чемоданные татары, пахотные солдаты, дворцовые, коннозаводскіе, заводскіе, монастырскіе, архіерейскіе, синодскіе, церковные, экономическіе, черносошные, войсковые обыватели, коронные, ранговые, короннопосполитые, прочіе казеннаго вѣдомства слободскіе крестьяне, крестьяне, принадлежащіе бывшей комиссіи сооруженія храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ, лашманы, засѣчные сторожа, солевощики и солеломщики, сельскіе обыватели въ имѣніяхъ городовъ въ Западныхъ губерніяхъ и въ имѣніяхъ учебныхъ заведеній, въ имѣніяхъ военнаго вѣдомства (военные поселяне) и морского (охтенные и черноморскіе поселяне), а также поселяне, приписанные къ коммисаріанту, лейбъ-гвардіи конному полку, къ вѣдомству комендантовъ С.-Петербургскаго и Кіевскаго, въ Голицынской больницѣ въ Москвѣ, къ городскимъ госпитальнымъ мѣстамъ въ Эстляндіи и къ разнымъ казеннымъ фабрикамъ.

Примѣчаніе 2 (по прод. 1891 г.). Инородцы областей Акмолинской, Семипалатинской, Семирѣченской, Уральской, Тургайской, кочевые и осѣд-

лые, пользуются правами сельскихъ обывателей. Права и преимущества, присвоенныя другимъ состояніямъ Имперіи, инородцы пріобрѣтаютъ на основаніи общихъ законовъ.

Примѣчаніе 3 (по прод. 1893 г.). Всѣ личныя права, предоставленныя общими законами Имперіи свободнымъ сельскимъ обывателямъ, дарованы калмыкамъ простолюдинамъ".

Лица, вошедшія въ число сельскихъ обывателей были перечислены еще подробнѣе порознь: въ ст. 731—крестьяне-собственники, а въ ст. 782—временно-обязанные.

Въ законахъ о состояніяхъ, изданныхъ Я. Канторовичемъ подъ редакціей Я. А. Плющевскаго-Плющикъ, подъ ст. 671 приведена слѣд. выписка изъ „Кодификаціонной Объяснительной записки" къ изданію законовъ о состояніяхъ 1899 года:

„Въ основу дѣленія сельскихъ обывателей, по силѣ ст. 700, на двѣ группы, былъ положенъ признакъ существованія обязательныхъ поземельныхъ отношеній между сельскимъ обывателемъ и помѣщикомъ, нынѣ же обязательныя отношенія къ помѣщикамъ сохранились только въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Тифлисской и Кутаисской губерній, а въ остальныхъ губерніяхъ всѣ бывшіе крѣпостные крестьяне обращены уже въ крестьянъ собственниковъ, на основаніи законовъ объ обязательномъ выкупѣ.

„Съ устраненіемъ такого дѣленія сельскихъ обывателей въ изд. т. IX 1899 г., представляется, тѣмъ не менѣе, необходимымъ опредѣлить, изъ какихъ именно разрядовъ лицъ образовано сельское состояніе. Такое опредѣленіе могло бы заключаться въ перечисленіи различныхъ категорій сельскихъ обывателей, вошедшихъ въ составъ общей массы крестьянъ и поселянъ другихъ наименованій, подобно тому, какъ это сдѣлано въ ст. 700, 731 и 782 т. IX изд. 1876 г. Но подобное перечисленіе представляется нынѣ несвоевременнымъ, такъ какъ значительное большинство этихъ лицъ, указываемыхъ въ приведенныхъ примѣчаніяхъ, извѣстны нынѣ, исключительно, подъ названіемъ крестьянъ или поселянъ. Вслѣдствіе сего, ст. 671 изд. 1899 г. содержитъ только общее указаніе, что къ состоянію сельскихъ обывателей принадлежатъ крестьяне и поселяне разныхъ наименованій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду того, что нѣкоторые, весьма впрочемъ немногочисленные разряды лицъ, вошедшихъ въ составъ сельскихъ обывателей, не носятъ названій крестьянъ или поселянъ, а именуются особыми названіями, признано необходимымъ эти разряды лицъ поименовать отдѣльно. (О. З. стр. 225—227)".

ПРИБАВЛЕНІЕ II.

Правила о пріобрѣтеніи потомственнаго почетнаго гражданства чрезъ окончаніе курса наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ [приложеніе къ ст. 514 (п. 1, прим.)].

1. Принадлежащія къ мѣщанскому сословію или состоянію сельскихъ обывателей лица, пріобрѣвшія отъ одного изъ Россійскихъ Университетовъ ученыя степени доктора или магистра, пользуются правомъ на причисленіе къ потомственному почетному гражданству.

2. Доктора медицины и хирургіи и доктора медицины, на томъ же основаніи, какъ доктора прочихъ факультетовъ, съ полученіемъ диплома пріобрѣтаютъ право потомственнаго почетнаго гражданства (если не имѣютъ правъ дворянства).

3) Лѣкари, магистры фармаціи (аптекари) и магистры ветеринарныхъ наукъ, на томъ же основаніи, какъ и магистры прочихъ факультетовъ, съ полученіемъ

диплома пріобрѣтаютъ право потомственнаго почетнаго гражданства (если не имѣютъ правъ дворянства).

4. Не имѣющія правъ высшаго состоянія лицъ, пріобрѣвшія отъ Православныхъ духовныхъ академій ученыя академическія степени доктора или магистра, причисляются къ потомственному почетному гражданству.

5. Потомственное почетное гражданство жалуется имѣющимъ личное почетное гражданство воспитанникамъ Академіи художествъ (до преобразованія оной въ 1893 году) получившимъ дипломъ на званіе художниковъ оной, а равно всѣмъ прочимъ художникамъ, имѣющимъ дипломы и аттестаты сей академіи, когда, по миновеніи десяти лѣтъ отъ полученія оныхъ, Министерство Императорскаго Двора будетъ ходатайствовать о пожалованіи имъ, за отличіе въ художествахъ, почетнаго гражданства потомственнаго.

6. Тѣ изъ окончившихъ курсъ въ Московскомъ Сельскохозяйственномъ Институтѣ лицъ, которыя, поступивъ на частныя мѣста по управленію имѣніями или для завѣдыванія какою-либо одною отраслью хозяйства или сельскохозяйственнаго промышленнаго предпріятія, представятъ надлежащія удостовѣренія о занятіяхъ своихъ по одной изъ указанныхъ спеціальностей въ теченіе не менѣе десяти лѣтъ, пріобрѣтаютъ право на потомственное почетное гражданство, если не имѣютъ правъ высшаго состоянія.

Примѣчаніе. Лица, удостоенныя Совѣтомъ бывшей Петровской земледѣльческой и Лѣсной академіи ученой степени магистра, пользуются правами, предоставленными лицамъ, получившимъ ту же степень отъ Россійскихъ Университетовъ (ст. 1 сего прил.) (а). Принадлежащія къ мѣщанскому сословію или къ состоянію сельскихъ обывателей лица, пріобрѣвшія въ бывшей Петровской сельскохозяйственной академіи ученую степень магистра, пользуются правомъ на причисленіе къ потомственному почетному гражданству. Тѣ изъ удостоенныхъ, по окончаніи полнаго учебнаго курса въ бывшей Петровской сельскохозяйственной академіи, званія агронома перваго или второго разряда, которые, поступивъ на частныя мѣста по управленію имѣніями, или для завѣдыванія какою-либо одною отраслью хозяйства или сельскохозяйственнаго промышленнаго предпріятія, представятъ надлежащія удостовѣренія о занятіяхъ своихъ по одной изъ указанныхъ спеціальностей въ теченіе не менѣе пяти лѣтъ, пріобрѣтаютъ право на потомственное почетное гражданство (б).

7. Тѣ изъ окончившихъ полный курсъ земледѣльческихъ училищъ Московской земледѣльческой школы и Херсонскаго земскаго сельскохозяйственнаго училища, или высшіе курсы для практикантовъ по винодѣлію при Никитскомъ садѣ, которые поступятъ на частныя мѣста по управленію имѣніями, по веденію въ нихъ счетоводства, по завѣдыванію какою-либо отдѣльною отраслью хозяйства, или сельскохозяйственнаго промышленнаго предпріятія, и представятъ удостовѣренія о хорошемъ поведеніи и занятіяхъ своихъ по одной изъ указанныхъ спеціальностей въ теченіе полныхъ семи лѣтъ по полученіи званія ученаго управителя (за вычетомъ однако времени, о коемъ не представятъ надлежащихъ (удостовѣреній), удостоиваются званія потомственнаго почетнаго гражданства.

8. Тѣ изъ учениковъ Бессарабскаго училища винодѣлія, удостоенныхъ званія винодѣла, которые представятъ удостовѣреніе о занятіяхъ своихъ винодѣліемъ въ теченіе десяти лѣтъ со времени окончанія курса, удостоиваются званія потомственнаго почетнаго гражданина.

9. Отличнѣйшіе изъ лѣсныхъ кондукторовъ, окончившіе курсъ въ лѣсныхъ школахъ, за усердную и долговременную службу или за особыя заслуги по лѣсной части могутъ быть награждаемы при выходѣ въ отставку званіемъ потомственнаго почетнаго гражданина. Означенное преимущество предоставляется и

лицамъ, не обучавшимся въ лѣсныхъ школахъ, если они занимались въ теченіе двухъ лѣтъ практикою лѣсного дѣла въ одномъ изъ казенныхъ лѣсничествъ и затѣмъ, по достиженіи восемнадцатилѣтняго возраста, выдержали установленное для воспитанниковъ лѣсныхъ школъ выпускное испытаніе.

10. Министру Народнаго Просвѣщенія предоставляется ходатайствовать о причисленіи къ почетному потомственному гражданству тѣхъ изъ удостоенныхъ, по окончаніи полнаго курса наукъ въ Императорскомъ Московскомъ Техническомъ училищѣ, званія инженеръ-механика, инженеръ-технолога, механика и технолога, которые представятъ достовѣрныя доказательства того, что они успѣшно занимались не менѣе десяти лѣтъ управленіемъ фабрикъ или заводовъ, или же исполняли обязанности техническихъ инженеровъ.

Примѣчаніе. Права, предоставленныя на основаніи сей (10) статьи окончившимъ курсъ въ Императорскомъ Московскомъ Техническомъ училищѣ, присвояются тѣмъ изъ прошедшихъ полный курсъ наукъ въ семъ училищѣ при дѣйствіи устава 1 іюня 1868 года, которые представятъ надлежащія удостовѣренія въ томъ, что они не менѣе пяти лѣтъ занимались практическою техническою дѣятельностью или преподаваніемъ спеціальныхъ предметовъ въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ.

11. Министру Народнаго Просвѣщенія предоставляется ходатайствовать о причисленіи къ почетному потомственному гражданству тѣхъ изъ удостоенныхъ, по окончаніи полнаго курса наукъ въ С.-Петербургскомъ Императора Николая I и Харьковскомъ Императора Александра III Технологическихъ Институтахъ, званія инженеръ-технолога и технолога, которые представятъ достовѣрныя доказательства того, что они успѣшно занимались не менѣе десяти лѣтъ управленіемъ фабрикъ или заводовъ, или же исполняли обязанности техническихъ инженеровъ.

Примѣчаніе. Высочайше утвержденнымъ 22 января 1891 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено: переименовать въ инженеръ-технологи тѣхъ технологовъ перваго разряда, а въ технологи тѣхъ технологовъ второго разряда, которые не менѣе восьми лѣтъ либо посвящали себя технической дѣятельности и въ удостовѣреніе сего представятъ надлежащіе аттестаты или свидѣтельства, либо состояли въ должностяхъ преподавателей въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ или завѣдывали сими заведеніями.

12. Тѣ изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ Рижскомъ Политехническомъ Институтѣ и не имѣющихъ, по происхожденію, правъ высшаго состоянія, кои не менѣе десяти лѣтъ успѣшно посвящали себя практическимъ занятіямъ по изученной въ Институтѣ спеціальности, могутъ быть удостоиваемы, по представленію Министра Народнаго Просвѣщенія, причисленія къ потомственному почетному гражданству.

13. Министру Финансовъ предоставляется ходатайствовать о причисленіи къ потомственному почетному гражданству тѣхъ изъ удостоенныхъ, по окончаніи курса наукъ въ Кіевскомъ Политехническомъ Институтѣ Императора Александра II, званій инженеръ-технолога, инженеръ-строителя и ученаго агронома, которые представятъ достовѣрныя доказательства того, что они успѣшно занимались не менѣе десяти лѣтъ управленіемъ фабрикъ и заводовъ или сельскохозяйственныхъ предпріятій, или же исполняли обязанности техническихъ инженеровъ.

14. Министру Финансовъ предоставляется ходатайствовать о причисленіи къ потомственному почетному гражданству тѣхъ изъ удостоенныхъ, по окончаніи курса наукъ въ Варшавскомъ Политехническомъ Институтѣ Императора Николая II, званій инженеръ-технолога и инженеръ-строителя, которые пред-

ставятъ достовѣрныя доказательства того, что они успѣшно занимались не менѣе десяти лѣтъ управленіемъ фабрикъ и заводовъ или же исполняли обязанности техническихъ инженеровъ.

15. Тѣ изъ удостоенныхъ Электротехническимъ Институтомъ Императора Александра III званія инженеръ-электрика, которые представятъ достовѣрныя доказательства того, что они не менѣе десяти лѣтъ успѣшно занимались по электротехнической спеціальности, могутъ быть удостоиваемы, по представленію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, причисленія къ потомственному почетному гражданству.

Правила о пріобрѣтеніи личнаго почетнаго гражданства чрезъ окончаніе курса наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ. [Приложеніе къ ст. 515 (п. 1, прим.)].

1. Принадлежащія къ мѣщанскому сословію или состоянію сельскихъ обывателей лица, получившія отъ Коммисій при Университетахъ дипломъ первой или второй степени, пользуются правомъ на причисленіе къ личному почетному гражданству.

2. Происходящія изъ бывшаго податного состоянія лица, пріобрѣвшія отъ одного изъ Россійскихъ Университетовъ или отъ Демидовскаго Юридическаго Лицея ученую степень кандидата или званіе дѣйствительнаго студента, а также удостоенныя званія учителя гимназіи по окончаніи съ успѣхомъ курса въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Историко-Филологическомъ Институтѣ, или въ Историко-Филологическомъ Институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, пользуются правами личнаго почетнаго гражданства, хотя бы они и не поступили на государственную службу.

3. Провизоры и ветеринары, на томъ же основаніи, какъ кандидаты прочихъ факультетовъ, и аптекарскіе помощники, на ряду съ дѣйствительными студентами Университетовъ, съ полученіемъ диплома, пріобрѣтаютъ право личнаго почетнаго гражданства (если не имѣютъ правъ высшаго состоянія).

4. Не имѣющія правъ высшаго состоянія лица, пріобрѣвшія отъ Православныхъ духовныхъ академій степень кандидата или званіе дѣйствительнаго студента, а отъ духовныхъ семинарій званіе студента, причисляются къ личному почетному гражданству.

5. Художники, получившіе отъ Академіи Художествъ (до преобразованія оной въ 1893 году) аттестаты объ окончаніи въ оной полнаго курса ученія, или о выдержаніи надлежащаго испытанія, а равно удостоенные диплома на званіе художниковъ Академіи, если они не въ Академіи воспитаны, могутъ просить причисленія въ почетное гражданство лично безъ потомства.

6. Не принадлежащія къ дворянскому состоянію лица, удостоенныя отъ состоящаго при Московскомъ Художественномъ Обществѣ училища живописи, ваянія и задчества званія художника, имѣютъ право на полученіе званія личнаго почетнаго гражданина.

7. Агрономы и агрономы-техники перваго и второго разрядовъ, получившіе сіи званія въ Московскомъ Сельскохозяйственномъ Институтѣ и не имѣющіе по происхожденію правъ вюсшаго состоянія, причисляются къ личному почетному гражданству.

Примѣчаніе. Лица, удостоенныя Совѣтомъ бывшей Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата, пользуются правами, предоставленными лицамъ, получившимъ тѣ же степени и званіе отъ Россійскихъ университетовъ (а). Принадлежащія къ мѣщанскому сословію или къ состоянію сельскихъ обыва-

телей лица, получившія званіе агронома перваго или второго разряда въ бывшей Петровской Сельскохозяйственной Академіи, пользуются правомъ на причисленіе къ личному почетному гражданству (б).

8. Лица, удостоенныя С.-Петербургскимъ Лѣснымъ Институтомъ званія ученаго лѣсовода перваго разряда, пользуются всѣми правами, предоставленными получившимъ степень кандидата отъ Россійскихъ университетовъ; удостоенные же званія ученаго лѣсовода второго разряда пользуются правами дѣйствительныхъ студентовъ сихъ университетовъ.

Примѣчаніе. Удостоенные бывшимъ Горыгорецкимъ Земледѣльческимъ Институтомъ степени кандидата агрономіи, или званія дѣйствительнаго студента агрономіи пользуются: кандидаты агрономіи—правами университетскихъ кандидатовъ, а дѣйствительные студенты агрономіи—правами дѣйствительныхъ студентовъ Университетовъ.

9. Агрономы и лѣсоводы перваго и второго разряда, получившіе сіи званія въ Институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи и не имѣющіе по происхожденію правъ высшаго состоянія, причисляются къ личному почетному гражданству.

10. Ученики, отлично окончившіе полный курсъ земледѣльческихъ училищъ, Московской земледѣльческой школы и Херсонскаго земскаго сельскохозяйственнаго училища, получаютъ при выпускѣ изъ училища аттестаты перваго разряда, дающіе имъ право на званіе личныхъ почетныхъ гражданъ; прочіе же ученики, выдержавшіе окончательныя испытанія, получаютъ аттестаты второго разряда и могутъ быть удостоены права на упомянутое званіе по представленіи въ Совѣтъ училища удовлетворительныхъ отчетовъ о трехлѣтнихъ, по выпускѣ, практическихъ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ. Лица, не обучавшіяся въ означенныхъ училищахъ, имѣютъ право подвергаться испытанію изъ полнаго курса предметовъ, преподаваемыхъ въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ, наравнѣ и въ одно время съ учениками этихъ заведеній; выдержавшіе испытаніе въ полномъ теоретическомъ и практическомъ курсахъ получаютъ свидѣтельства, дающія имъ одинаковыя права съ учениками земледѣльческихъ училищъ, окончившими въ нихъ полный курсъ.

Примѣчаніе. Воспитанникамъ Горецкаго земледѣльческаго училища, Московской земледѣльческой школы и Уманскаго училища земледѣлія и садоводства, удостоеннымъ званія ученыхъ управителей, ученыхъ садовниковъ, управителей и садовниковъ, до преобразованія сихъ училищъ по Положенію 30 мая 1878 года (58586), если они, по истеченіи десяти лѣтъ послѣ полученія означенныхъ званій, продолжали постоянно заниматься управленіемъ сельскохозяйственныхъ имѣній съ похвалою, при честномъ поведеніи, и представятъ въ томъ законныя удостовѣренія, испрашивается чрезъ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ званіе личнаго почетнаго гражданина.

11. Воспитанники Успенской сельскохозяйственной школы, удостоенные званія сельскихъ приказчиковъ или садовниковъ, получаютъ черезъ десять лѣтъ, проведенныхъ въ занятіяхъ по сельскому хозяйству или садоводству, званіе личнаго почетнаго гражданина.

12. Ученики Бессарабскаго училища винодѣлія, удостоенные званія винодѣла и не имѣющіе по происхожденію правъ высшаго состоянія, причисляются къ личному почетному гражданству.

13. Лица, окончившія курсъ Никитскаго училища садоводства и винодѣлія перваго разряда, по пробытіи полныхъ десяти лѣтъ на практикѣ по садоводству или винодѣлію, могутъ быть представляемы къ награжденію званіемъ личнаго почетнаго гражданина, если они высшихъ званій не имѣютъ.

14. Лица, окончившія курсъ Пензенскаго училища садоводства перваго разряда, по прибытіи полныхъ десяти лѣтъ на практикѣ по садоводству, могутъ быть представляемы къ званію личнаго почетнаго гражданина, если они высшихъ званій не имѣютъ.

15. Инженеръ-технологи и технологи, окончившіе курсъ наукъ въ С.-Петербугскомъ Императора Николая I и Харьковскомъ Императора Александра III Технологическихъ Институтахъ и не имѣющіе по происхожденію правъ высшаго состоянія, причисляются къ сословію личныхъ почетныхъ гражданъ.

Примѣчаніе. Высочайше утвержденнымъ 22 января 1891 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено: переименовать въ инженеръ-технологи тѣхъ технологовъ перваго разряда, а въ технологи тѣхъ технологовъ второго разряда, которые не менѣе восьми лѣтъ либо посвящали себя технической дѣятельности, и въ удостовѣреніе сего представятъ надлежащіе аттестаты или свидѣтельства, либо состояли въ должностяхъ преподавателей въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ или завѣдывали сими заведеніями.

16. Инженеръ-механики, инженеръ-технологи, механики и технологи, удостоенные сихъ званій Императорскимъ Московскимъ Техническимъ училищемъ, не имѣющіе по происхожденію правъ высшаго состоянія, причисляются къ сословію личныхъ почетныхъ гражданъ.

Примѣчаніе. Означеннымъ въ сей (16) статьѣ правомъ пользуются также лица, получившія въ Императорскомъ Московскомъ Техническомъ училищѣ званія механика-строителя, инженеръ-механика и инженеръ-технолога при дѣйствіи устава 1 іюня 1868 года.

17. Лица, окончившія курсъ въ Рижскомъ Политехническомъ Институтѣ и не имѣющія по происхожденію правъ высшаго состоянія, причисляются лично въ почетное гражданство.

18. Тѣ изъ удостоенныхъ Кіевскимъ Политехническимъ Институтомъ Императора Александра II званій инженеръ-технолога, инжеръ-строителя и ученаго агронома, которые не имѣютъ по происхожденію правъ высшаго состоянія, причисляются къ сословію личныхъ почетныхъ гражданъ.

19. Тѣ изъ удостоенныхъ Варшавскимъ Политехническимъ Институтомъ Императора Николая II званій инженеръ-технолога и инженеръ-строителя, которые не имѣютъ по происхожденію правъ высшаго состоянія, причисляются къ сословію личныхъ почетныхъ гражданъ.

20. Тѣ изъ удостоенныхъ Электротехническимъ Институтомъ Императора Александра III званія инженеръ-электрика, которые не имѣютъ по происхожденію правъ высшаго состоянія, причисляются лично въ почетное гражданство.

21. Лицамъ, удостоеннымъ въ среднихъ техническихъ училищахъ, а равно въ ремесленно-воспитательномъ заведеніи имени Н. П. Трапезникова въ Иркутскѣ, званія техника, если они по происхожденію не имѣютъ высшихъ правъ, предоставляется право на личное почетное гражданство.

22. Ученики Коммисаровскаго Техническаго Училища въ Москвѣ, пробывшіе, по окончаніи курса ученія, непрерывно три года на фабрикахъ, заводахъ или при другой дѣятельности по технической части и получившіе отъ мѣстнаго управленія фабрикъ, заводовъ и т. п. удостовѣреніе объ усердіи къ дѣлу и отличномъ поведеніи, могутъ быть удостоиваемы званія техника по механическому дѣлу, причемъ тѣмъ изъ нихъ, которые по происхожденію не имѣютъ высшихъ правъ, предоставляется право на личное почетное гражданство.

Примѣчаніе. Перерывъ технической дѣятельности для исполненія воинской повинности не служитъ препятствіемъ къ удостоенію званія техника.

23. Получившіе по окончаніи курса въ Домбровскомъ горномъ училище званіе штейгера или заводскаго уставщика удостоиваются черезъ десять лѣтъ, проведенныхъ въ техническихъ занятіяхъ по горному дѣлу, званія личнаго почетнаго гражданина, если не имѣютъ по происхожденію высшихъ правъ состоянія.

24. Получившіе по окончаніи курса въ Иркутскомъ горномъ училище званіе штейгера, уставщика и представившіе удостовѣреніе мѣстнаго Окружнаго Горнаго Инженера въ томъ, что они провели десять лѣтъ въ занятіяхъ по горному дѣлу, получаютъ званіе личныхъ почетныхъ гражданъ, если не имѣютъ по происхожденію высшихъ правъ состоянія.

25. Окончившіе курсъ Лисичанской Штейгерской школы съ званіемъ штейгера и прослужившіе съ одобреніемъ двѣнадцать лѣтъ въ горныхъ, сему званію свойственныхъ, работахъ на казенныхъ или частныхъ рудникахъ, могутъ быть удостоиваемы званія личнаго почетнаго гражданина, по представленію о томъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, въ установленномъ порядкѣ.

26. Воспитанники, окончившіе успѣшно курсъ Горнаго Училища С. С. Полякова, пользуются правами, присвоенными лицамъ, окончившимъ курсъ Лисичанской Штейгерской школы.

27. Лица, удостоенныя одною изъ Консерваторій Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества диплома на званіе свободнаго художника, причисляются къ личному почетному гражданству, если не принадлежатъ къ другому высшему состоянію.

28. Ученымъ рисовальщикамъ, прослужившимъ по окончаніи курса ученія въ Строгановскомъ Центральномъ Училищѣ техническаго рисованія въ Москвѣ непрерывно три года на фабрикахъ и представившимъ въ Совѣтъ Училища удостовѣреніе отъ управленія оныхъ объ успѣшныхъ въ теченіе указаннаго времени занятіяхъ по ихъ спеціальности, усердіи къ дѣлу и отличномъ поведеніи, предоставляется право на личное почетное гражданство (если они по происхожденію не имѣютъ высшихъ правъ).

Примѣчаніе. Перерывъ служебной дѣятельности на фабрикѣ для исполненія воинской повинности не служитъ для ученыхъ рисовальщиковъ препятствіемъ къ полученію личнаго почетнаго гражданства.

29. Тѣ изъ получившихъ образованіе въ дополнительныхъ классахъ землемѣрія и таксаціи при гимназіяхъ частные землемѣры и таксаторы, которые, со дня полученія окончательнаго аттестата, проведутъ въ дѣйствительныхъ занятіяхъ по сему званію не менѣе десяти лѣтъ и представятъ законныя удостоверенія въ томъ, что они исполняли свои обязанности съ знаніемъ дѣла, честно и добросовѣсно, пріобрѣтаютъ право на полученіе званія личнаго почетнаго гражданина, по особому о томъ ходатайства Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ или Управляющаго межевою частью. Означеннымъ правомъ пользуются и тѣ изъ частныхъ землемѣровъ и таксаторовъ, кои удостоены сего званія по сказанному, хотя бы они и не обучались въ дополнительныхъ землемѣрно-таксаторскихъ классахъ.

30. Воспитанники С.-Петербургскаго и Московскаго коммерческихъ училищъ, окончившіе съ успѣхомъ курсъ ученія, удостоиваются званія личнаго почетнаго гражданина, если по рожденію своему не принадлежатъ къ другому высшему званію.

31. Ученики, окончившіе съ успѣхомъ полный курсъ ученія въ Петровскомъ училищѣ С.-Петербургскаго купеческаго общества и получившіе аттестаты, удостоиваются званія личнаго почетнаго гражданина, если по рожденію не принадлежатъ къ другому высшему званію.

32. Ученики, окончившіе полный курсъ коммерческихъ училищъ, учрежденныхъ на основаніи Положенія о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ 15 апрѣля 1896 года, удостоиваются званія личнаго почетнаго гражданина, если по рожденію своему не принадлежатъ къ высшему званію. Правило сіе распространяется на Московскую Практическую Академію коммерческихъ наукъ и на прочія коммерческія училища вѣдомства Министерства Финансовъ, дѣйствующіе уставы коихъ измѣнены Министромъ Финансовъ согласно общему Положенію о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ.

33. Ученики состоящихъ при Одесскомъ коммерческомъ училищѣ классовъ торговаго мореплаванія, успѣшно окончившіе испытанія по теоретическому и практическому курсамъ, если при этомъ общая продолжительность ихъ учебыхъ плаваній (вмѣстѣ съ пробнымъ плаваніемъ, плаваніемъ на коммерческомъ пароходѣ и временемъ практическихъ испытаній) составляетъ не менѣе семнадцати мѣсяцевъ, удостоиваются званія личнаго почетнаго гражданина, если не принадлежатъ къ высшему состоянію. Правомъ симъ пользуются также и ученики успѣшно выдержавшіе испытаніе по теоретическому курсу, но лишившіеся возможности по болѣзни продолжать морскую службу.

34. Окончившимъ курсъ трехклассныхъ торговыхъ школъ, а также торговаго отдѣленія Архангельскаго торгово-мореходнаго училища, предоставляется право на полученіе званія личнаго почетнаго гражданина, но не иначе, какъ по прослуженіи десяти лѣтъ въ торговыхъ или промышленныхъ учрежденіяхъ въ должностяхъ конторщиковъ, приказчиковъ, бухгалтеровъ и т. п. по представленіи отъ хозяевъ или управляющихъ оныхъ надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованныхъ удостовѣреній. Лица, получившія аттестатъ объ окончаніи курса мореходнаго отдѣленія Архангельскаго торго-мореходнаго училища, приравниваются въ отношеніи пріобрѣтенія личнаго почетнаго гражданства къ окончившимъ курсъ въ трехклассной торговой школѣ, причемъ судовая служба зачисляется имъ, какъ служба приказчиковъ.

Примѣчаніе. Указанное въ сей (34) статьѣ право предоставляется также ученикамъ мореходнаго отдѣленія Архангельскаго торгово-мореходнаго училища, успѣшно выдержавшимъ испытаніе по теоретическому курсу, но лишившимся возможности по болѣзни продолжать морскую службу.

35. Окончившимъ курсъ въ Московскомъ прядильно-ткацкомъ училищѣ, если они по происхожденію не имѣютъ высшихъ правъ, предоставляется право на личное почетное гражданство, но не иначе, какъ по прослуженіи не менѣе десяти лѣтъ на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ въ должностяхъ подмастерьевъ, мастеровъ и т. п. и по представленіи отъ хозяевъ или управляющихъ фабриками надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованныхъ удостовѣреній.

36. Воспитанники Маріинской Учительской Семинаріи Принца Петра Ольденбургскаго за успѣшное исполненіе ими въ теченіе двѣнадцати лѣтъ обязанностей учителя въ сельскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ, какого бы то ни было вѣдомства, удостоиваются званія личнаго почетнаго гражданства, по представленіямъ того вѣдомства, которому, по послѣдней своей службѣ, они будутъ подчинены.

Примѣчаніе. Правило сей (34) статьи распространяется и на тѣхъ учителей, которые окончили курсъ въ Маріинской Учительской Семинаріи

Принца Петра Ольденбургскаго ранѣе 31 декабря 1883 года и находятся съ тѣхъ поръ на службѣ въ должности сельскаго учителя, наблюдателя или репетитора семинаріи.

37. Воспитанники всѣхъ вообще учительскихъ семинарій и школъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, не исключая и земскихъ, равно какъ и воспитанники Екатерининскаго Учительскаго Института въ Тамбовѣ за успѣшное исполненіе ими въ теченіе двѣнадцати лѣтъ обязанностей учителя сельскаго начальнаго народнаго училища удостоиваются званія личнаго почетнаго гражданина, по представленіямъ о томъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ установленномъ порядкѣ.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
O sostavie krestianskago soslov
323.34 T6540
D900789673